

Луиза Мэй
Олкотт

*Маленькие
Женщины*

Луиза Мэй Олкотт

Маленькие женщины

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65303551
Strelbytskyy Multimedia Publishing; Киев; 2021
ISBN 9780880007719*

Аннотация

«Маленькие женщины» Луизы Мэй Олкотт – роман, воспитывший несколько поколений юных читателей во всем мире. Эта книга была переведена более чем на 50 языков, ее сюжет положен в основу шести фильмов, четырех телесериалов, нескольких опер и спектаклей.

История семейства Марч, в котором подрастают четыре дружные, но непохожие друг на друга сестры, повествует читателям о таких узнаваемых перипетиях юности, взросления, дружбы и любви.

В этом издании публикуется новый оригинальный перевод с английского Юлии Шматько. Стилизация речи юных девочек, характерная для той эпохи, а также придуманные героинями и используемые в домашнем обиходе слова придают тексту неповторимую атмосферу XIX века.

Содержание

Вместо предисловия	4
1	6
2	27
3	47
4	68
5	93
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Луиза Мэй Олкотт

МАЛЕНЬКИЕ ЖЕНЩИНЫ

Вместо предисловия

*Рассказ мой скромный ты послушай
Про длинный путь в Небесную страну,
О том, как за душевною беседой
Наш странник выбрал благодетели тропу.
И пусть тернист и полон искушений,
Благую цель преследует сей путь,
Открой ты сердце для добра и избавлений,
Поверь мне, друг, не пожалеешь ты ничуть.¹*

¹ Вдохновлено книгой Джона Баньяна «Путешествие пилигрима в Небесную страну». В романе «Маленькие женщины» Олкотт часто делает отсылки на религиозную аллегорию английского писателя и проповедника Джона Баньяна «Путешествие пилигрима в Небесную страну», которой зачитывалась еще с детства. Книга повествует о путешествии героя по имени Христианин. На пути к Небесной стране, или Раю, его ждало множество опасных приключений. Во время своего путешествия Христианин встречает людей и существ (имена которых так или иначе связаны с событиями из его жизни), которые пытаются помочь или помешать ему. На его пути встречаются такие персонажи как Верный, Уповающий и Великан Отчаяния. Книга проповедует идею о том, что нужно стойко нести свою жизненную ношу и не поддаваться искушениям. Многие названия глав в «Маленьких женщинах» делают отсылку к событиям и местам в «Путешествии пилигрима», например, «Бет находит Великолепный

Джон Баньян

дворец», «Долина уничтожения Эми», «Джо встречает Аполлиона», «Мег идет на Ярмарку тщеславия», «Долина Теней» и так далее, поскольку каждая из дочерей Марч поддается какому-то искушению, что связано ее темпераментом или некими личными неудачами.

Поиграем в пилигримов

«Ну что же это за Рождество без подарков?» – проворчала Джо, растянувшись на ковре возле камина.

«Быть бедным просто отвратительно!» – вздохнула Мег, взглянув на свое старое платье.

«Как же все-таки несправедливо, что у одних девочек так много красивых вещей, а у других вообще ничего нет», – добавила маленькая Эми, обиженно фыркнув.

«У нас есть мама и папа, а еще мы есть друг у друга», – утешительно сказала Бет из своего укромного угла.

Четыре юных лица, освещенные теплым мерцанием камина, на мгновение повеселели от этих ободряющих слов, но улыбка тут же померкла, когда Джо вдруг дрожащим голосом добавила: «Нет с нами папы, и не будет еще долго». Она осеклась, не решившись вслух произнести «возможно, никогда», но каждая из сестер молча добавила это про себя, думая о том, что их отец сейчас где-то далеко, в самом центре жестоких сражений.

На несколько минут в комнате повисло тяжелое молчание, никто не решался снова начать говорить, но затем Мег все же приглушенно сказала: «Вы же знаете, почему мама предложила обойтись без подарков на это Рождество – грядет су-

ровая зима, и она считает, что нам не следует тратить деньги на развлечения и всякие безделушки, когда наши солдаты страдают на поле боя. Мы мало чем можем им помочь, но мы можем принести свои маленькие жертвы, чтобы поддержать их, и мы должны делать это с радостью и благодарностью. Но боюсь, я не...» – Мег покачала головой, с печалью думая обо всех красивых вещах, которые ей хотелось купить.

«Не думаю, что та небольшая сумма, которую мы в состоянии пожертвовать, что-то кардинально изменит. У каждой из нас есть всего по доллару, и вряд ли армия вообще ощутит какую-то разницу. Я готова обойтись без подарка от ма-тушки и от вас, но сама себе я очень хочу купить «Ундицу» и «Синтрама».² Я уже так давно мечтаю об этом», – сказала Джо, которая каждую свободную минуту проводила, уткнувшись носом в очередную книжку.

«Я планировала потратить свои сбережения на новые ноты», – сказала Бет с легким вздохом, который не слышал никто, кроме щетки для очага и подставки для чайника.

«А я куплю красивую коробку новеньких фаберовских карандашей. Они мне действительно нужны», – решительно сказала Эми.

«Мама ведь ничего не говорила о наших сбережениях, и не думаю, что она бы хотела, чтобы мы отдали все, что у нас

² Два романа с элементами сказки немецкого писателя и поэта Фридриха де Ла Мотт-Фука (1777–1843). Первый повествует о русалке, а второй о рыцаре. Эти два рассказа были очень популярны среди детей.

есть. Так давайте же мы все купим то, что так хотим и просто немного порадуетесь. Думаю, мы достаточно много работаем и заслужили это по праву!» – неуверенно выпалила Джо, делая вид, что внимательно изучает узор на ковре.

«Я вот точно заслужила – учу этих маленьких непосед целыми днями, хотя с удовольствием бы посидела дома», – жалобно протянула Мег.

«Да тебе еще повезло, у тебя нет и половины моих забот», – сказала Джо. «Посмотрела бы я на вас, сестренки, останься вы взаперти хотя бы на несколько часов с нервной, суетливой старухой, которая дергает тебя по любой мелочи – «Беги туда, принеси это, сделай то» – еще и вечно чем-то недовольна. Гоняет меня, как сидорову козу, так что иногда я уже на стены готова лезть или просто бросить все и разрешиться прямо посреди комнаты».

«Грешно жаловаться, конечно, но я считаю, что мыть посуду и убираться по дому – это худшая работа в мире. Целый день надрываешься, согнувшись в три погибели, а кожа на руках становится такой сухой и грубой, что даже на пианино играть тяжело». Бет посмотрела на свои огрубевшие руки с тяжелым вздохом, который на этот раз уж точно услышали все.

«Сомневаюсь, что кто-то из вас страдает больше, чем я, – воскликнула Эми, – потому что вам не приходится ходить в школу с девчонками-сатирами, которые изводят вас, стоит только вам хоть разочек не выучить урок, хихикают над ва-

шими изношенными платьями, обзывают нищенкой и говорят, что у меня нос, как картошка.

«Ты, наверно, хотела сказать «задирами», а не «сатирами», если конечно у вас там не изучаются мифические существа» – отметила Джо, смеясь.

«Ой, ты прекрасно поняла, что я хотела сказать, и не обязательно быть такой занудой. Я учусь использовать новые слова и улучшать свой *лексогон*», – с достоинством ответила Эми.

«Ой, хватит ерничать, девочки. Ах если бы папа не потерял все деньги, когда мы были маленькими! Боже мой! Как бы мы были счастливы и жили бы сейчас припеваючи!» – сказала Мег, которая еще помнила лучшие времена.

«Ты же на днях говорила, что мы счастливее, чем королевские дети, потому что они все время ссорятся и строят друг другу козни, несмотря на свои богатства».

«Да, я и правда так говорила, Бет. На самом деле, думаю, так оно и есть, ведь хоть нам и приходится работать, зато мы можем вот так посидеть, от души посмеяться и пошутить друг над другом, и вообще, мы, как выразилась бы Джо, веселая компашка».

«Джо действительно любит такие жаргонные словечки!» – заметила Эми, искоса глянув на длинную фигуру, растянувшуюся на ковре. Джо тут же поднялась, засунула руки в карманы и начала насвистывать.

«Не надо, Джо, это так по-мальчишески!»

«Я знаю. Поэтому я это и делаю».

«Терпеть не могу грубых девчонок, которые ведут себя неподобающе юным леди!»

«А я ненавижу напыщенных и чопорных кукол!»

«Птички в гнездышках воркуют», – принялась напевать Бет, которая всегда пыталась сглаживать углы с подобных ситуациях. Она пела, скорчив такую смешную рожицу, что резкие голоса сменились хохотом, и назревающий конфликт на ближайшее время был исчерпан.

«Вот правда, сестренки, вы обе ведете себя как маленькие», – принялась поучать их Мег на правах старшей сестры. «Ты уже достаточно взрослая, Джозефина, так что пора уже бросить это ребячество и вести себя подобающим образом. Когда ты была ребенком, это, может, и выглядело забавным и милым, но теперь-то ты вон уже какая высокая вымахала и прическу носишь взрослую, так что ты не должна забывать, как должна себя вести юная леди».

«Ничего я не вымахала! А если взрослой тебя делает то, какую прическу ты носишь, тогда я буду носить два хвостика аж до двадцати лет!» – воскликнула Джо, стянув с волос сетку и встряхнув своей пышной каштановой гривой. «Не хочу я взрослеть, становиться «мисс Марч», носить платья в пол, ходить, словно кол проглотила, и выглядеть, как фарфоровая кукла! Мне и так несладко живется, ведь мне нравится играть в мальчишеские игры и вести себя раскованно, как это делают мальчишки! Угораздило же меня родиться дев-

чонкой! А сейчас даже ещё хуже, чем прежде, ведь я бы с радостью отправилась на фронт вместе с папой и сражалась бы с ним плечом к плечу против врага, а вместо этого приходится сидеть дома и вязать, как какая-то немощная старуха!»

Джо так яростно трясла синим армейским носком, который как раз вязала, что спицы звенели, как кастаньеты, а клубок с нитками покатился через всю комнату.

«Бедняжка Джо! Мне жаль тебя, но тут уж ничего не поделаешь. Довольствуйся тем, что ты можешь сократить свое имя до мальчишеского «Джо» и играть роль братишки для нас», – сказала Бет, поглаживая густую шевелюру сестры рукой, которую никакое мытье посуды и вытирание пыли не смогут лишить этой искренней сестринской нежности.

«Что же до тебя, Эми, – продолжила Мег, – то ты, наоборот, чересчур церемонная и чопорная. Сейчас это забавно, но если так пойдет и дальше, ты вырастешь высокомерной и напыщенной, как гусыня. Мне нравятся твои манеры и любовь к возвышенной речи, но только когда ты не перегибаешь палку. Просто порой твои несуразные слова звучат так же неуместно, как и жаргонные словечки Джо».

«Так, если Джо – сорванец, а Эми – гусыня, то кто же я?» – спросила Бет, приготовившись услышать критику и в свой адрес.

«Ты у нас милашка», – тепло ответила Мег, и никто ей не возразил, потому что «Мышка», как называли Бет дома, и правда была всеобщей любимицей.

Поскольку вы, уважаемые читатели, наверняка хотели бы знать, как выглядят наши героини, то я воспользуюсь моментом и сделаю небольшое лирическое отступление от общего повествования, чтобы в общих чертах набросать портреты четырех сестер, которых мы застали этим декабрьским вечером за вязанием в гостиной, пока в камине весело потрескивал огонь, а за окном шел снег.

Это была очень уютная комната, несмотря на то, что ковер был сильно выцветшим, а мебель очень скромной. Стены украшали пара-тройка неплохих картин, полки были заставлены книгами, на подоконнике цвели хризантемы и рождественские розы, и все это дополнялось приятной атмосферой домашнего очага и умиротворения.

Маргарет, старшей из сестер, было шестнадцать, она была очень хороша собой – большие глаза, копна мягких каштановых волос, чувственные губы и нежные руки, в отношении которых у нее был пунтик.

Пятнадцатилетняя Джо была очень высокой и худой, а грива темных непослушных волос делала ее похожей на жеребенка. Казалось, что порой она не знает, как совладать со своими длинными конечностями, и это ее изрядно раздражало. Ее решительная ухмылка и вздернутый нос говорили об упорстве и силе характера, а от ясных серых глаз, казалось, ничего не могло утаиться. В зависимости от ситуации ее взгляд мог быть жестоким, задорным или задумчивым. Ее истинной гордостью были ее длинные густые воло-

сы, но обычно она собирала их в сетку, чтобы не мешали. Ее нескладное подростковое тело вот-вот готово было переродиться в тело юной женщины, но она противилась этому как могла, скрывая девичьи формы за широкими одеждами.

Элизабет – или Бет, как все ее называли, – розовощекая, ясноглазая девочка тринадцати лет, чьи волосы всегда собраны в аккуратную прическу. Застенчивая, робкая и добрая. Отец называл ее «маленькая мисс Умиротворение», и это прозвище ей идеально подходило, потому что она, казалось, жила в собственном счастливом мире, рискуя выходить во внешний мир только для встречи с теми немногими, кому она доверяла и кого любила.

Эми, хотя и была самой младшей, была чуть ли не самым важным человеком в семье – по крайней мере, по ее собственному мнению. Фарфоровая кожа, голубые глаза, золотистые кудряшки, всегда ведет себя, как юная леди, ни на миг не забывая о своих манерах.

Что же касается характеров четырех сестер, их нам как раз и предстоит узнать далее.

Часы пробили шесть. Бет подмела рассыпавшуюся возле камина золу и придвинула к очагу пару домашних тапочек, чтобы те нагрелись. Девочки улыбнулись, ведь это был своего рода ритуал, который означал, что скоро домой вернется с работы мама, «Марми», как они ее называли. Мег прекратила свои нравоучения и зажгла лампу, Эми выбралась из глубокого кресла, а Джо, напрочь забыв про усталость, под-

прыгнула и поднесла тапочки поближе к огню.

«Они уже совсем износились. Марми нужна новая пара».

«Я думала купить ей новые на свой доллар», – сказала Бет.

«Нет, я куплю!» – воскликнула Эми.

«Я самая старшая», – начала было Мег, но Джо ее перебила...

«Когда папа уходил на войну, он сказал мне, что на время его отсутствия за мужчину в доме я, так что новые тапочки для мамы должна купить именно я».

«Я предлагаю поступить так, – сказала Бет, – каждая из нас подарит ей что-нибудь на Рождество, а себе покупать мы ничего не будем».

«Это так похоже на тебя, дорогая! Но что же мы ей подарим?» – воскликнула Джо.

На минуту все задумались, а затем Мег объявила, словно эту идею подсказал ей вид ее собственных красивых рук: «Я подарю ей пару хороших перчаток».

«Пара добротных ботинок, вот что нужно человеку в наше время», – воскликнула Джо.

«А я куплю ей платочки с оборкой», – сказала Бет.

«Я куплю флакончик духов, ей наверняка будет приятно получить такой подарок. Думаю, они стоят не очень дорого, и мне, возможно, даже хватит на карандаши», – добавила Эми.

«А как мы подарим ей все эти вещи?» – спросила Мег.

«Положим их на стол, позовем ее и будем смотреть, как она будет их распаковывать. Помнишь, как мы делали на на-

ши дни рождения?» – ответила Джо.

«Помню, как я переживала, когда приходила моя очередь сидеть в большом кресле в гостиной и наблюдать, как вы все маршируете, чтобы поздравить и вручить мне подарки на день рождения. Нет, мне нравились ваши подарки и ваше внимание, но это было ужасно сидеть там и разворачивать свертки под вашими пристальными взглядами», – призналась Бет. Она как раз поджаривала тосты к чаю и лицо ее покраснелось от жара.

«Пусть Марми думает, что мы подготовили подарки друг для друга, а потом удивим ее, сказав, что это все для нее. Пойдем завтра днем по магазинам, Мег. Нам еще нужно столько всего подготовить для нашего рождественского спектакля», – сказала Джо, маршируя назад и вперед, заложив руки за спину и вздернув нос.

«Наверно, это рождественское представление будет моим последним, я уже слишком взрослая для таких вещей», – с грустью в голосе заметила Мег, которая обожала играть в «переодевания».

«Да ладно тебе, неужели ты откажешься от возможности пощеголять в белом платье с распущенными волосами и украшениях из золотой фольги. Ты наша лучшая актриса, и все пойдет под откос, если ты покинешь сцену» – сказала Джо. «Кстати, нужно порепетировать. Иди-ка сюда, Эми, и сыграй нам сцену с обмороком, а то как-то неубедительно ты это делаешь».

«Ничего не могу поделывать, я же никогда не видела, как падают в обморок, а если я буду падать, как ты мне говоришь, то набью себе синяков. Если у меня получится мягко упасть, я упаду, а если нет, то упаду грациозно в кресло, и пусть твой Хьюго угрожает мне сколько угодно», – ответила Эми, которая не была одарена актерским талантом, но была утверждена на эту роль только потому, что она была маленькой и легкой, а по сценарию ее героиню злодей должен был уносить со сцены на руках.

«Сделай так: запрокинь руки вот так и, пошатываясь, пройди через комнату, отчаянно крича: «Родриго! Спаси меня! Спаси меня!» – и Джо вышла из комнаты с таким правдоподобным мелодраматическим стоном, от которого сестры аж вздрогнули.

Эми попробовала повторить – она выставила скрюченные руки вперед и двигалась, словно ожившая мумия, а ее «крик отчаяния» больше походил на пронзительный крик от укола булавкой. Джо безнадежно взвыла, Мег громко расхохоталась, и даже Бет позволила своему хлебу подгореть, с интересом наблюдая за всеобщим весельем.

«Так, все, я сдаюсь! Когда придет время, просто постарайся сделать все так, как надо, но если аудитория рассмеется, я тут не при чем. Теперь твой выход, Мег».

Далее все пошло, как по маслу – дон Педро бросил вызов миру, прочитав внушительный монолог на две страницы без единого перерыва; ведьма Агарь произнесла ужасное за-

клинание над своим котлом, полным кипящих жаб; Родриго мужественно разорвал свои цепи, а Хьюго, отравленный мышьяком, умирал в агонии, выкрикнув перед смертью злое: «Ха-ха!»

«Это лучшее, что мы когда-либо ставили», – сказала Мег, когда мертвый злодей сел, потирая ушибленный локоть.

«И как тебе удается писать и ставить такие великолепные пьесы, Джо? Ты просто второй Шекспир!» – воскликнула Бет, которая твердо верила, что ее сестры одарены удивительным талантом.

«Ну, прям уж Шекспир», – скромно хихикнула Джо. «Хотя *«Проклятие ведьмы, или Романтическая трагедия»* – это и правда неплохая вещь, но я бы хотела попробовать поставить *«Макбет»*, да только вот у нас нет люка для Банко.³ Всегда хотела поставить зрелищную сцену убийства. «Откуда ты, кинжал, возникший в воздухе передо мною?»⁴ – пробормотала Джо, закатывая глаза и хватаясь за воздух, как это обычно делали исполнители трагических ролей в театре.

«Нет, это не кинжал, это вилка для хлеба, вот только почему вместо хлеба Бет жарит на огне мамин тапочек? Бет, видимо, была потрясена твоей игрой!» – воскликнула Мег, и репетиция закончилась общим взрывом смеха.

³ Имеется в виду люк в потолке, через который призрак убитого Банко может снова появиться на сцене в пьесе Шекспира (акт 3, сцена 6).

⁴ Джо цитирует знаменитый «монолог о кинжале» Макбета (действие 2, сцена 1), в которой он готовится убить короля Дункана.

«Рада, что вы веселитесь, девочки мои», – сказал голос в дверях, и актеры, и аудитория дружно повернулись, чтобы поприветствовать высокую женщину с добрыми глазами. На ней была недорогая одежда, но выглядела она воистину благородно, и сестры были уверены, что под потертым серым плащом и немодным чепчиком скрывается самая красивая и элегантная женщина на свете – их мать.

«Ну что, дорогие, как у вас прошел день? У меня сегодня было так много работы, нужно было подготовить коробки к отправке на фронт на завтра, я даже не успела вырваться на обед домой. Кто-нибудь заходил, Бет? Как ты себя чувствуешь, Мег, как твоя простуда? Джо, ты выглядишь какой-то уставшей. Подойди и поцелуй меня, детка».

Продолжая свои материнские расспросы, миссис Марч сняла мокрые от снега вещи, надела теплые тапочки и, утомившись в мягкое кресло, посадила Эми к себе на колени, готовясь насладиться счастливым остатком этого напряженного дня. Девочки порхали вокруг матери, каждая старалась сделать так, чтобы ей было максимально удобно. Мег подтащила к креслу чайный столик, Джо подкинула дров в огонь и принялась расставлять стулья, роняя, переворачивая и грохоча всем, что попадалось на ее пути. Бет тихонько бегала туда-сюда между гостиной и кухней, а Эми, сидя на коленях у матери, деловито руководила процессом.

Когда они собрались вокруг стола, миссис Марч сказала с особенно счастливым лицом: «У меня кое-что есть для вас,

на десерт, так сказать». Ее лицо осенила яркая, словно луч солнца, улыбка. Бет захлопала в ладоши, забыв про гренки, которое она держала, а Джо подбросила в воздух салфетку, выкрикивая: «Письмо! письмо! Трижды ура папе!»

«Да, прекрасное длинное письмо от папы. Он здоров и думает, что зима на фронте пройдет лучше, чем мы ожидали. Он шлет всевозможные теплые пожелания на Рождество и особое послание вам, девочки», – сказала миссис Марч, хлопывая себя по карману, как будто у нее там сокровище.

«Так, давайте, не ловим ворон и кушаем, сестренки! Хватит оттопыривать мизинец и корчить высокомерные рожи, Эми, – сказала Джо, давась чаем и роняя хлеб маслом вниз на ковер в спешке, чтобы наконец-то приступить к заветному «десерту».

Бет немного поклевала ужин, но от волнения ей кусок в горло не лез, поэтому она тихонько забралась в темный уголок комнаты и в ожидании остальных членов семьи принялась размышлять о долгожданном письме от отца.

«А ведь папа был далеко не призывного возраста, да и здоровье у него уже не такое крепкое, как в молодости – он мог спокойно остаться здесь, с нами – но он все равно пошел служить на фронт капелланом. Как по мне, это очень смелый и благородный поступок», – тепло сказала Мег.

«Я бы тоже хотела отправиться на фронт, была бы, например, барабанщицей или маркитанткой,⁵ или медсестрой по-

⁵ Маркитант (от итал. mercatante – торговец, продавец) – мелкий торговец

шла бы, чтобы быть рядом с отцом и помогать ему», – мечтательно рассуждала Джо.

«Думаю, что спать в палатке, есть всякую невкусную еду и пить из жестяной кружки, это крайне неудобно», – вздохнула Эми.

«Когда он вернется домой, Марми?» – спросила Бет дрожащим голосом.

«Через несколько месяцев, дорогая, если только, не приведи Господь, не заболееет. Папа будет добросовестно выполнять свой долг так долго, как только сможет, и с нашей стороны было бы эгоистично просить его бросить все и вернуться домой раньше. А теперь давай-ка сядем все рядышком и будем читать письмо.

Все подобралась ближе к огню: мать села в большом кресле, Бет уюстилась у ее ног, Мег и Эми уселись на подлокотниках по обе стороны от Марми, а Джо оперлась на спинку кресла, чтобы никто в случае чего не заметил ее слез. В те тяжелые военные времена все письма с фронта читались со слезами на глазах, особенно письма отцов своим детям. Но в своём письме отец почти не упоминал о невзгодах, опасностях и душераздирающей тоске по дому, его письмо было жизнерадостным и обнадеживающим, преисполненным живых описаний лагерной жизни, военных маршей и фронтовых новостей. И только в конце, не в силах более сдержи-

съестными припасами, напитками и предметами военного обихода, сопровождавшие войска в лагере, в походах, на маневрах и во время войны.

ваться, он излил душу, переполненную отеческой любовью и тоской по своим маленьким дочуркам.

«Передай моим милым девочкам, что я их очень люблю и скучаю по ним, поцелуй их крепко от меня. Скажи, что я думаю о них днем и молюсь за них по ночам, и что они – мое утешение в это нелегкое время. Год разлуки с ними кажется мне вечностью, но напомни им, что и в эти тяжелые дни ожидания мы все можем трудиться ради всеобщего блага. Я уверен, они прекрасно помнят мои наставления заботиться о тебе, моя дорогая, и всячески поддерживать, а также добросовестно выполнять свой долг, храбро сражаться со своими внутренними врагами и не поддаваться искушениям. Думаю, когда я вернусь домой к вам, мои родные, я буду гордиться своими маленькими женщинами даже больше прежнего».

В этой части письма все дружно всхлипнули, так что Джо не было стыдно за большую слезу, которая скатилась по ее носу. Даже Эми, позабыв о том, что ее идеально уложенные кудряшки могут растрепаться, уткнулась лицом в плечо матери и навзрыд сказала: «Я такая эгоистка! Но я честно-честно постараюсь стать лучше, чтобы папочка не разочаровался, когда вернется домой».

«Мы все постараемся!» – воскликнула Мег. «Я слишком много думаю о своей внешности и ненавижу работать, но отныне я тоже постараюсь исправиться, надеюсь у меня получится».

«А я постараюсь стать той, кем он любит меня называть

– «маленькой женщиной», и не буду такой грубой и взбалмошной. Я буду выполнять свой долг здесь, вместо того, чтобы тратить время на дурацкие фантазии о каких-то далеких приключениях», – сказала Джо, словив себя на мысли, что держать себя в руках тут, дома, наверняка окажется задачей посложнее, чем сразиться с парой-тройкой мятежников на юге.

Бет ничего не сказала, но вытерла слезы синим армейским носком и принялась вязать изо всех сил, не теряя времени, выполняя ближайший ей по духу долг, в то время про себя она торжественно пообещала оправдать все надежды отца к тому времени, когда он вернется домой.

Миссис Марч нарушила молчание, сказав своим привычным веселым голосом: «А помните, как вы играли в «Путешествие пилигрима»,⁶ когда были маленькими? Вы так радовались, когда я делала мешочки из оставшихся лоскутов ткани и вешала их вам на спину в качестве ноши. Вы надевали мои шляпы, брали в руки палки и свитки бумаги и шли через весь дом, начиная свой путь с подвала, который был

⁶ «А помните, как вы играли в «Путешествие пилигрима», когда были маленькими?»: в обсуждении, которое следует за этим вопросом миссис Марч, речь идет о произведении «Путешествие пилигрима в Небесную страну» (см. сноску 1). Упоминается Город Разрушения – злое место, где родился главный герой Христианин, которое является отправной точкой его путешествия в Небесную страну (Рай); Аполлион – отвратительный демон, нападающий на Христианина в Долине Уничуждения; Топь Уныния – коварное болото, в котором оказался Христианин; свиток, указывающий путь – инструкции для путешествия Христианина, указывающие ему путь избавления.

Городом Разрушения, а затем поднимались все выше и выше по ступенькам аж на крышу дома, где вас ждали ваши самые любимые вещи, из которых состояла Небесная страна.

«Да, я помню, как весело это было, особенно мне нравилось миновать львов, сражаться с Аполлионом и проходить через Долину, где обитали злые духи!» – сказала Джо.

«А мне нравился момент, когда мы сбрасывали со спин котомки и они падали вниз с лестницы», – сказала Мег.

«Моя любимая часть была, когда мы наконец-то выходили на плоскую крышу, где стояли вазоны с цветами и разные красивые вещи, и мы все стояли там и пели от радости, а солнце ласкало наши лица», – сказала Бет, улыбаясь.

«Честно говоря, я уже мало что помню из этой игры, кроме того, что я боялась темного подвала и что в конце мне всегда нравилось кушать сладости и пить молоко на крыше. Если бы я не была уже слишком взрослой для подобных игр, я, возможно, даже сыграла бы в пилигримов снова», – сказала Эми, которая начала всерьез говорить о том, что она уже взрослая и ей пора бросить эти детские забавы, как только ей исполнилось двенадцать лет.

«Мы никогда не становимся слишком старыми для этой игры, моя дорогая, потому что так или иначе, мы играем в нее всю нашу жизнь. У каждого из нас есть своя ноша, впереди нас ждет долгое путешествие, а стремление к добру и счастью – это наш свиток, который указывает верный путь, помогает преодолевать трудности и исправлять ошибки, что-

бы в итоге найти мир, который будет для нас истинным Раем. А теперь, мои маленькие пилигримы, как вы смотрите на то, чтобы начать свое путешествие снова, но уже не в игре, а всерьез, в реальной жизни, чтобы проверить, как далеко вы сможете продвинуться, прежде чем отец вернется домой».

«Что, правда, мама? Так, где там наши котомки?» – спросила Эми, которая в силу своего возраста иногда воспринимала вещи слишком буквально.

«Каждая из вас только что призналась, в чем заключается ее ноша, ее котомки, так сказать. Все, кроме Бет. Неужели тебя, Мышка, ничего не обременяет?» – спросила мать.

«Почему же? Обременяет. Посуда и тряпки. Я завидую девушкам, которые имеют возможность играть на красивых роялях. А еще я боюсь людей и не доверяю им».

Ноша Бет показалась всем очень забавной, но никто не засмеялся, потому что все знали, что это сильно обидело бы ее чувства.

«Давайте поиграем в пилигримов», – задумчиво сказала Мег. «Это всего лишь другое название для нашего намерения стать лучше. А эта игра может нам помочь, ведь быть хорошим человеком – это действительно тяжелый труд, и очень часто мы забываем свои обещания и перестаем стараться».

«Сегодня мы были в Топи Уныния, а потом пришла Мама и вытащила нас, как Помощь в книге. Нам нужен свиток с указаниями, как у Христианина. Только как нам его раздобыть?» – спросила Джо, восхищенная идеей, которая прида-

ла немного романтики и приключений казалось бы скучной задаче по выполнению своего долга.

«Загляните под подушки в рождественское утро, и вы найдете свой свиток-путеводитель», – ответила миссис Марч.

Девочки обсуждали свой новый план добродетели и грядущие испытания, пока старая служанка Ханна убирала посуду со стола. Затем сестры достали четыре маленькие корзинки с принадлежностями для рукоделия, и в руках у них заблестели иголки – им предстояло сшить простыни для те-тушки Марч. Все четверо считали шитье весьма скучным занятием, но сегодня никто не ворчал. Джо предложила обозначить четыре длинных шва названиями четырех континентов – Европа, Азия, Африка и Америка, таким образом, каждой из сестер достался свой континент. Это сделало процесс более интересным, и по мере того, как каждая «прокладывала иглой путь» через свою часть света, они обсуждали разные страны своих территорий.

К девяти вечера с шитьем было покончено, и настало время для традиционного пения перед сном. На фортепиано умела играть только Бет, она мягко касалась старых пожелтевших клавиш и аккомпанировала импровизированному хору семейства Марч. Песни они пели простые и незамейливые. Голос у Мег был звонкий и чистый, словно звуки флейты, так что они с матерью задавали остальным ритм и тональность. Эми щебетала, как сверчок, а Джо вообще пе-

ла что-то свое, всегда вступая не в том месте, да и пение ее больше походило на какое-то прерывистое кваканье. Но как бы там ни было, это был своего рода ритуал еще с тех пор, как девочки научились говорить. Девочки просыпались под прекрасное пение своей матери, которая ходила по дому, напевая, как жаворонок, и засыпали тоже под ее голос, и в этом случае никто из сестер не считал, что можно когда-нибудь стать слишком взрослой для материнской колыбельной.

«Свети-сверкай, звезда моя...»

2

Рождество

В то рождественское серое утро Джо проснулась первой. На камине не было чулок для подарков, и на мгновение она почувствовала такое же разочарование, как когда-то давным-давно, когда ее маленький носок упал с камина, потому что был битком набит сладостями, а Джо подумала, что ей просто ничего не подарили. Потом она вспомнила, что мать советовала заглянуть в рождественское утро под подушку, и, скользнув туда рукой, обнаружила маленькую книжечку в малиновом переплете. Эта книга была ей очень хорошо знакома, это была прекрасная история о самой благодетельной и достойно прожитой жизни, которую только можно представить.⁷ Джо почувствовала, что такому путеводителю обрадовался бы любой «пилигрим», отправляясь в долгое путешествие. Она растолкала Мег со словами «Счастливого Рождества!» и посоветовала заглянуть под подушку. Там лежала такая же книга, только в зеленом переплете. Вскоре проснулись Бет и Эми и обнаружили свои экземпляры – в сером и синем переплете. На форзаце каждой книги были аккуратным почерком написаны теплые пожелания от матери, что делало подарок еще более ценным. И вот сестры сидели все

⁷ Вероятно, тут подразумевается Евангелие.

вместе, разглядывая свои подарки, а небо на востоке тем временем пылало багрянцем, знаменуя наступление нового дня.

Конечно, Маргарет тоже не было чуждо тщеславие, но в целом она была очень доброй и набожной. Сестры очень любили и уважали ее, и даже бунтарка Джо слушалась ее, потому что даже поучая, Мег делала это очень мягко и тактично.

«Девочки, – серьезно сказала Мег, переводя взгляд поочередно на каждую из сестер, – «Мама хочет, чтобы мы не просто читали эту книгу, а вдумались в то, что там написано. С тех пор, как отец ушел на войну, мы стали пренебрегать многими вещами. Вы делайте, как хотите, а я буду держать свою книгу здесь на тумбочке возле кровати и читать хотя бы по паре страничек каждое утро, потому что я знаю, что это даст мне пищу для размышлений на день грядущий и вдохновит на благодетель».

Мег демонстративно открыла свою книгу и начала читать. Джо обняла ее и, прижавшись щекой к щеке, тоже принялась читать, при этом на лице ее воцарилось спокойствие и умиротворение, столь несвойственные ее оживленной мимике.

«Какая же Мег молодчина! Пойдем, Эми, и мы почитаем. Я помогу тебе с трудными словами, а если нам что-то будет непонятно, то обратимся за помощью к Мег и Джо», – прошептала Бет, вдохновленная примером старших сестер и таким душевным подарком от матери.

«Я рада, что синий переплет достался именно мне», – удовлетворенно сказала Эми.

На ближайшие полчаса в комнатах девочек воцарилась тишина, нарушаемая лишь шуршанием переворачиваемых страниц. Первые солнечные лучи проникли в комнату, и, словно неся рождественское благословение, коснулись склонившихся над книгами голов и сосредоточенных мордашек.

«А где мама?» – спросила Мег, когда они с Джо оторвались от чтения и решили поблагодарить ее за подарки.

«Только одному Богу известно. Какой-то бродяга пришел попрошайничать, и ваша мать сразу же побежала ему помогать. Никогда еще не видела женщины, которая с такой охотой раздает направо и налево продукты, одежду и прочие припасы», – ответила Ханна, которая жила с Марчами еще с рождения Мег и была уже скорее другом семьи, чем просто прислугой.

«Думаю, она скоро вернется, так что давайте приготовим праздничный завтрак и подарки», – сказала Мег, осматривая подарки, которые были заблаговременно упакованы и спрятаны под диваном в ожидании своего часа. «Так, а где духи от Эми?» – озадаченно спросила Мег, не обнаружив флакона.

«Эми их утащила, чтобы повязать ленточку или что-то в этом роде», – ответила Джо, выплясывая по комнате в тапочках, купленных матери, чтобы немного разносить их.

«А как вам мои носовые платочки? Красивые, правда? Ханна постирала и погладила их, а я сделала вышивку, чтобы платочки были именными», – сказала Бет, гордо глядя на несколько неровные буквы, которые стоили ей огромного

труда.

«Ой, дитя! Что ж ты вышила на них «Мама» вместо «М. Марч». Вот умора!» – прыснула Джо, взяв один из платков.

«А что в этом такого? Я наоборот подумала, что так будет лучше, потому что инициалы Мег тоже М. Марч, а я не хочу, чтобы произошла путаница и эти платочки использовал кто-нибудь, кроме Марми», – обеспокоенно сказала Бет.

«Все в порядке, дорогая, это очень хорошая и разумная идея, ведь теперь точно никто не ошибется. Я уверена, ей очень понравится твой подарок», – сказала Мег, бросив укоризненный взгляд на Джо и ободряюще улыбнувшись Бет.

«Ой, мама идет. Прячьте подарки, быстрее!» – воскликнула Джо, когда хлопнула входная дверь и с прихожей донеслись шаги.

Но вместо матери в комнату вошла Эми. Вид у нее был довольно смущенный, когда она увидела своих сестер, вопрошающе смотрящих на нее.

«Где ты была и что ты там прячешь за спиной?» – удивленно спросила Мег, увидев, что на Эми верхняя одежда. Обычно Эми дольше всех валялась в постели и никогда не выходила на улицу в такую рань.

«Только пусть Джо не глумится надо мной! Я не хотела, чтобы вы узнали раньше времени. Я просто хотела поменять маленький флакончик на большой. Я отдала за него все свои деньги. Я правда стараюсь не быть такой эгоисткой, как раньше».

Эми робко вытащила из-за спины новый красивый флакон, который она купила взамен старого дешевого. Она выглядела такой серьезной, даже невооруженным взглядом было видно, что ее усилия преодолеть себя и перестать быть эгоисткой шли от чистого сердца, так что Мег тут же крепко обняла ее, Джо назвала умницей, а Бет подбежала к окну и сорвала свою лучшую розу, чтобы украсить прекрасный флакон.

«Понимаете, мне стало стыдно за свой подарок после того, как мы почитали и поговорили сегодня утром о том, что нужно быть хорошим человеком, поэтому я побежала в лавку за углом и поменяла свой подарок на более дорогой. И я безумно этому рада, потому что теперь мой подарок самый красивый».

Входная дверь снова хлопнула, и подарок Эми тоже лихо отправился в тайник под диваном, а сестры с невозмутимым видом уселись вокруг стола якобы в ожидании завтрака.

«Счастливого Рождества, Марми! Спасибо за книги! Мы уже даже немного почитали сегодня и планируем делать это каждый день», – хором воскликнули девочки.

«С Рождеством, доченьки! Я рада, что вы сразу принялись читать, и надеюсь, что вы продолжите в том же духе. Но прежде чем мы сядем за стол, я хотела бы кое о чем поговорить с вами. Недалеко отсюда живет несчастная женщина, которая только недавно родила малыша. У нее есть еще шестеро деток, и им всем приходится спать в одной кровати,

чтобы хоть как-то согреться, так как у них даже нет дров, чтобы разжечь огонь. А еще они голодают. Это ее старший сын прибежал ко мне утром и рассказал об их плачевном положении. Девочки мои, вы не против, если мы отдадим им наш завтрак в качестве рождественского подарка?»

Девочки были очень голодны, прождав завтрака почти час, и где-то с минуту никто не решался что-либо сказать, но потом Джо радостно воскликнула: «Я так рада, что ты успела прийти до того, как мы сели завтракать!»

«А можно мне отнести теплые вещи бедным маленьким детям?» – нетерпеливо спросила Бет.

«А я возьму сливки и кексики», – добавила Эми, героически отказавшись от самых своих любимых блюд.

Мег, не теряя времени, уже пересыпала гречневую кашу в большую миску и складывала в корзину хлеб.

«Я знала, что вы согласитесь, мои хорошие», – сказала миссис Марч, удовлетворенно улыбаясь. «Пойдем помогать все вместе, а когда вернемся, позавтракаем хлебом с молоком, а уже на вечер приготовим что-нибудь вкусненькое».

Вскоре всё было готово, и семейство Марч отправилось в путь. К счастью, было рано да и шли они дворами, так что никто не видел эту странную делегацию.

Они стояли на пороге убогой и промерзшей комнаты с разбитыми окнами и потухшим очагом. Из мебели там был лишь небольшой стол и кровать с рваным постельным бельем, на которой лежала больная женщина с плачущим мла-

денцем, а по бокам ютились бледные, голодные дети, вжимаясь в старое одеяло и пытаясь хоть немного согреться.

С какой же радостью смотрели на неожиданных гостей большие детские глаза, их синие от холода губы расплылись в широкой искренней улыбке!

«*Ach, mein Gott!*⁸ Неужто ангелы спустились к нам с небес!» – сказала женщина дрожащим голосом и слезы радости покатались по ее щекам.

«Да, забавные такие ангелы в капюшонах и рукавицах», – сказала Джо и всех рассмешила.

Уже через несколько минут дом действительно преобразился так, что можно было и впрямь подумать, что там потрудились добрые духи. Ханна принесла дрова, разожгла камин и заделала разбитые стекла старыми шляпами и накидкой. Миссис Марч напоила мать семейства горячим чаем и дала немного каши, заверив, что не оставит их в беде, а потом перепеленала малыша и завернула его в свой теплый платок. Делала она это с такой нежностью и бережностью, словно это был ее собственный ребенок. Девочки тем временем накрыли на стол, рассадили детей поближе к огню и накормили их принесенными гостинцами. Позавтракав, дети принялись весело болтать, а девочки Марч пытались разобрать их смешное немецко-английское щебетание.

«*Das ist gut! Die Engel-kinder!*⁹» – причмокивая, то и дело

⁸ *Ach, mein Gott!* – (нем.) Боже мой!

⁹ *Das ist gut! Die Engel-kinder!* – (нем.) Какая вкуснотища! Девочки-ангелочки!

повторяли бедняжки, уплетая гречневую кашу с хлебом и наслаждаясь теплом весело потрескивающего очага.

Сестер еще никогда никто не называл девочками-ангелочками, и это было им очень приятно. Особенно радовалась Джо, которой с рождения доставались не иначе как всякие мальчишеские комичные прозвища наподобие «Санчо».¹⁰ Это был воистину прекрасный завтрак, хотя девочкам не досталось и крошки. И пусть животы их бурчали от голода всю дорогу домой, во всем городе было не сыскать более радостных и довольных детей, чем эти четверо маленьких девочек, которые отдали свой завтрак и довольствовались в то рождественское утро лишь хлебом и молоком.

«Должно быть, это и значит «Возлюби ближнего своего, как самого себя». Что ж, делать добро другим людям действительно приятно», – сказала Мег, раскладывая с сестрами подарки в гостинной, пока их мать собирала наверху одежду для бедного семейства Хуммель, которое они навещали утром.

Это были небольшие скромные свертки, но каждый из них был наполнен чистой детской любовью, а высокая ваза с красными розами, пышными белыми хризантемами и свисающими виноградными лозами придавала элегантности и торжественности праздничному столу.

¹⁰ Санчо Панса, оруженосец Дона Кихота – комический персонаж в сатирическом романе испанского писателя Мигеля де Сервантеса «Дон Кихот» (том I – 1605, том II – 1615).

«Идет, идет! Давай, Бет, начинай играть! А ты, Эми, открой перед мамой дверь! Трижды ура нашей Марми!» – воскликнула Джо, высоко подпрыгивая.

Бет сыграла свой самый веселый марш, Эми с реверансом распахнула дверь, а Мег, взяв мать под руку, провела ее к почетному месту во главе стола. Миссис Марч была одновременно удивлена и тронута. В ее глазах стояли слезы, но это были слезы радости, и она с улыбкой рассматривала подарки и читала сопровождающие их записки. Она тут же надела новые тапочки, положила новый носовой платок в карман, сбрызнув его духами Эми, розу прицепила булавкой к груди, а красивые перчатки были объявлены «идеально подходящими».

Потом были смех, поцелуи и объятия – в этом и заключается прелесть домашних праздников, они такие искренние и душевные, что ты потом еще долго вспоминаешь их с теплом в сердце. Но веселье весельем, а дела сами себя не сделают.

За благотворительными мероприятиями и торжественными церемониями пролетело чуть ли не полдня, так что девочки без промедления занялись приготовлениями к вечернему праздничному представлению. Будучи еще слишком юными, чтобы часто ходить в театры, и недостаточно богатыми, чтобы позволить себе профессиональный помпезный реквизит для своих домашних представлений, девочки включали смекалку – не зря же в народе говорят «голь на выдумки хитра» – и делали весь необходимый инвентарь из под-

ручных средств. Некоторые поделки были поистине достойными восхищения: гитары из папье-маше, старинные лампы из непригодной посудной утвари, роскошные платья и мантии из старых простыней, драгоценности из отполированных консервных банок, которые также отлично подходили для изготовления лат и доспехов. Мебель то и дело переворачивалась вверх тормашками, а комната служила театральными подмостками.

Мальчики в труппу не допускались, поэтому Джо доставались все мужские роли и она с удовольствием щеголяла в мужских коричневых кожаных сапогах, доставшихся ей от подруги, которая знала женщину, которая знала одного актера в театре. Эти сапоги, старая фехтовальная рапира и дырявый камзол, когда-то служивший художнику образцом для написания какой-нибудь картины с батальным сюжетом, были главными сокровищами Джо и задействовались во всех постановках. Из-за немногочисленности их труппы, зачастую двум передовым актерам, Мег и Джо, приходилось играть сразу несколько ролей в спектакле, за что они, безусловно, заслуживают похвалы, ведь они не только заучивали на память реплики трех, а бывало и четырех персонажей, но и по несколько раз за спектакль меняли костюмы и переставляли декорации. Но им это было в радость, ведь это не только служило отличной тренировкой памяти, но и прекрасным творческим развлечением, благодаря которому сестры проводили много времени вместе.

Наступил рождественский вечер, зрители подтягивались и занимали места в партере, которым служила кровать. И вот дюжина девочек в предвкушении смотрела на сине-желтый ситцевый занавес, из-за которого доносились шорохи, перешептывания и периодическое хихиканье Эми, которая не могла от волнения сдержать смех. Вскоре прозвучал третий звонок, которым служил колокольчик, занавески разъехались в сторону, и началась *Романтическая трагедия*.

Роль «мрачного леса» исполняли несколько кустов в горшках, плотная зеленая ткань, расстеленная на полу, а в глубине сцены расположилась пещера. Пещеру соорудили из сушки для белья, которая служила верхней частью, а по бокам поставили два комода. Внутри пещеры стояла небольшая горелка, на которой дымился чайник, он же ведьминский котел, а рядом, сгорбившись, сидела и сама ведьма. В комнате было темно и свечение горелки прекрасно создавало зловещую атмосферу, особенно когда из чайника выходил настоящий пар – зрители восторженно рукоплескали. Дождавшись пока стихнут первые аплодисменты, на сцену вышел злодей Хьюго, чье лицо покрывала густая черная борода, на глаза была надвинута шляпа, одет он был в плотную накидку, коричневые сапоги, а на бедре с каждым шагом позвякивал меч. Расхаживая взад и вперед в сильном волнении, он вдруг схватился за голову и разразился надрывной речью, воспевая свою ненависть к Родриго, любовь к Заре и непоколебимую решимость убить одного и заполучить вто-

рую. Грубый тон голоса Хьюго периодически срывался на крик, когда чувства одолевали его – публика была в восторге и аплодировала в моменты, когда герой делал паузу, чтобы перевести дух. Поклонившись с видом человека, привыкшего к публичным похвалам, он прокрался в пещеру и грозно приказал Агарь: «Ко мне, прислужница тьмы! Желаю тебя видеть!»

На сцене появилась Мег, на лицо ей ниспадали серые пряди из конского волоса. На ней был красно-черный балахон, усеянный каббалистическими знаками, а в руках она держала посох. Хьюго потребовал у колдуньи приворотное зелье, чтобы Зара полюбила его, а также зелье, чтобы умертвить Родриго. Прекрасным драматическим напевом Агарь пообещала достать ему и то, и другое, и принялась призывать духа любовных чар:

Ты Властелин любовных мук!
Приди ко мне, о светлый дух!
Любовных чар не пожалей
И зелья страсти дай скорей,
Из роз, росы, щепотки смеха,
Чтоб точно ждать пришлось успеха
О, дух, ты песнь сию услышь,
Да будет так, как ты решишь!

Заиграла нежнейшая мелодия и из пещеры вышла маленькая златокудрая фигура в белом одеянии со сверкающими

ми за спиной крыльями и венком из роз на голове. Взмахнув волшебной палочкой, дух любовных чар запел тонким головочком:

На зов явился я к тебе
С дали летел во мраке при луне
Вот зелье адское твое,
Напиток тьмы, сил зла любимое питье,
Используй ты его скорей
Чтоб сила зла была острей.

Дух бросил маленький позолоченный бутылек к ногам ведьмы и исчез. Агарь снова запела, но на этот раз призвала злого духа – на сцене с грохотом появился чертенок в жутких черных лохмотьях и, прохрипев свой ответ, бросил к ногам Хьюго черный бутылек, после чего тоже удалился со злоеющим смехом. Хьюго поблагодарил ведьму, и, положив зелья себе в сапоги, ушел. Агарь, в свою очередь, поведала зрителям, что злодей Хьюго убил нескольких дорогих ей людей, поэтому она наложила проклятие и намеревается помешать его коварным планам, чтобы отомстить за прошлые обиды. Таков был конец первого акта. Зрители отдыхали, ели конфеты и делились впечатлениями от спектакля.

Прежде чем занавес снова поднялся, из-за кулис то и дело доносились стуки молотка, но когда перед зрителями предстал этот шедевр декораторского плотничества, все мигом забыли о запинке. Это было поистине великолепно! До са-

мого потолка возвышалась башня с окном, в котором горел свет, а из-за белой занавески выглядывала Зара в красивом сине-серебряном платье, ожидая своего возлюбленного Родриго. А вот и появился сам великолепный Родриго – на плечах красная накидка, на голове берет с перьями, из-под которого торчат каштановые локоны, в руках у него гитара, а на ногах, конечно же, коричневые сапоги. Встав на колени у подножия башни, он спел волнительную серенаду. В ответ Зара тоже пропела нечто романтическое и после непродолжительного музыкального диалога согласилась последовать за ним хоть на край света. Тут-то и наступил момент представления, вызвавший наибольший ажиотаж среди аудитории. Родриго достал веревочную лестницу с пятью ступенями, закинул один конец в окно и пригласил Зару спуститься к нему. Она робко перегнулась через подоконник, положила руку на плечо Родриго и собиралась уже грациозно спрыгнуть вниз, но – увы и ах! – видимо, позабыла, что платье ее было со шлейфом, который сейчас предательски зацепился за створку окна, башня закачалась, накренилась вперед и с грохотом рухнула, погребя под руинами несчастных влюбленных!

Зал ахнул с облегчением, когда коричневые сапоги показались из развалин, а вслед за ними появилась златокудрая голова, восклицая: «Я же тебе говорила! Вот говорила же, что все так и будет!» С удивительной невозмутимостью на сцене появился дон Педро, суровый отец Зары, вытащил из-

под обломков свою дочь и потащил ее прочь и, стараясь не шевелить губами, тихо сказал: «Не вздумай смеяться! Делай вид, что так и было задумано». Удаляясь, Дон Педро гневно приказал разрушителю Родриго убираться вон из королевства. И хотя сам Родриго был все еще ошарашен падением башни, он не растерялся и бросил вызов старику, сказав, что и не подумает сдвинуться с места. Этот бесстрашный пример вдохновил и Зару, которая одернула руку и отказалась покориться воле отца, за что вместе со своим возлюбленным была брошена в самые глубокие подземелья замка. Тут же появился крепкий маленький слуга с цепями и увел их прочь – вид у него при этом был изрядно испуганный и, судя по всему, он напрочь забыл речь, которую должен был произнести.

Третий акт демонстрировал зрителю события, происходящие в замке. Снова появилась Агарь, которая пришла освободить влюбленных и убить Хьюго. Вот она слышит его шаги, прячется и видит, как он наливает зелья в две чаши с вином и приказывает робкому слуге: «Отнеси эти чаши пленным и скажи, что я скоро навещу их». Слуга уводит Хьюго в сторону, чтобы что-то сказать, а в это время Агарь подменяет эти чаши на две другие, просто с вином. Фердинандо, «слуга», уносит кубки, а Агарь ставит на стол чашу с ядом, предназначенную для Родриго. Хьюго, испытывая жажду, выпивает ее и в агонии начинает корчиться и скакать по сцене. После долгих конвульсий он падает плашмя и умирает, в то время как Агарь сообщает ему о своем коварном поступ-

ке в прекрасной мелодичной песне.

Это была поистине захватывающая сцена, хотя некоторым зрителям могло показаться, что неожиданно выбившиеся из-под шляпы длинные волосы несколько смазали эффектную смерть главного злодея. Однако невероятно душевное пение Агарь настолько поразило публику, что все мигом забыли про ляп с прической.

В четвертом акте перед нами разворачивается душераздирающая сцена, в которой Родриго, получив весть о том, что Зара больше не любит его, впадает в глубокое отчаяние и готов покончить жизнь самоубийством, вонзив себе кинжал в сердце. Но в этот самый момент под его окном кто-то начинает петь прекрасную песню о том, что возлюбленная верна ему, но ей грозит смертельная опасность, однако Родриго все еще может спасти ее. Незвестный подбрасывает ему ключ от темницы, и в порыве радости наш герой срывает с себя оковы и бросается прочь, чтобы найти и спасти свою возлюбленную.

Пятое действие начинается с ссоры между Зарой и Доном Педро. Он хочет, чтобы дочь ушла в монастырь, но она и слышать об этом не желает, и после ряда эмоциональных препираний, Зара уже собирается упасть в обморок, когда вдруг врывается Родриго и просит ее руки. Дон Педро не дает своего благословения влюбленным, потому что Родриго беден. Между мужчинами завязывается горячая перепалка, и вот Родриго уже готов унести на руках измученную Зару,

когда входит робкий слуга с письмом и мешком от Агари, которая таинственным образом исчезла из замка. Слуга сообщает, что ведьма завещает немислимые богатства молодой паре и пророчит ужасную гибель дону Педро, если он встанет на пути семейного счастья молодых. Открывается мешок, и из него высыпается целая куча блестящих жестяных монет, которые переливаются и блестят в свете ламп. Такой «аргумент» смягчает сурового отца и он соглашается выдать свою дочь за Родриго. Все поют в радостном порыве и занавес опускается, когда влюбленные, стоя на коленях, получают благословение дона Педро.

Зал взрывается бурными аплодисментами, которые неожиданно прерывает очередной конфуз – ножки кровати, служившей партером, не выдерживают и зрители падают на пол. Родриго и дон Педро, не мешкая, бросаются на помощь – все зрители спасены, хотя многие потеряли дар речи от безудержного хохота. Едва волнение утихло, в комнату вошла Ханна и объявила, что миссис Марч ждет юных леди к ужину.

Это приглашение было неожиданностью даже для актеров, и когда они увидели накрытый в гостинной стол, они посмотрели друг на друга в восторженном изумлении. Это было так похоже на Марми, приготовить для них небольшое угощение после спектакля, но такого пиршества они не помнили с тех пор, как их семья потеряла достаток. Тут было и мороженое – на самом деле даже два его вида, клубничное

и пломбир – и торт, и фрукты, и французские конфеты, а в центре стола в четырех вазах стояли прекрасные букеты!

У сестер перехватило дыхание, они в недоумении переводили взгляд со стола на мать и обратно, а миссис Марч стояла и широко улыбалась.

«Это дело рук фей?» – спросила Эми.

«Это Санта-Клаус», – сказала Бет.

«Это наша мама постаралась». И Мег нежно улыбнулась, что было видно даже несмотря на наклеенную седую бороду и густые брови.

«А может, тетушке Марч так понравилась простынь, которую мы для нее сшили, что она в знак благодарности решила закатить нам такой шикарный праздничный ужин?» – воскликнула Джо с неожиданным вдохновением.

«Нет, девочки. На самом деле, все эти угощения передал мистер Лоренс», – ответила миссис Марч.

«Дедушка мальчишки Лоренса? С чего это вдруг? Мы его даже не знаем!» – воскликнула Мег.

«Ханна рассказала одному из его слуг о том, что произошло сегодня утром. Видимо, этого старого джентльмена впечатлил ваш благородный поступок. Он знал моего отца много лет и сегодня днем??прислал мне письмо, в котором выразил надежду, что я позволю ему выразить свои дружеские чувства к моим детям, то есть к вам, передав немного сладостей в честь праздника. Как уж тут отказать? Так что вот вам праздничный ужин, чтобы восполнить завтрак из хлеба

с молоком».

«Должно быть, это мальчишка подкинул ему эту замечательную идею, я почти уверена, что так и есть! Мне кажется, он отличный парнишка, жаль что мы толком не знакомы. Он вроде и не против с нами познакомиться, просто стесняется, а Мег такая чопорная зануда, что не позволила мне заговорить с ним, когда мы проходили мимо него на улице», – сказала Джо, но ее слова затерялись в звоне тарелок, ведь гости уже расхватывали сладости и охали-ахали от восторга.

«Вы говорите о людях, которые живут в большом доме по соседству, не так ли?» – спросила одна из гостей. «Моя мать знает старика Лоренса, но говорит, что он слишком высокомерен и избегает общения со своими соседями. Он держит своего внука взаперти, выходить ему можно только для посещения уроков верховой езды, и то, в сопровождении учителя. Бедный мальчик целыми днями сидит в четырех стенах и корпит над учебниками. Мы даже приглашали его в гости, но он так ни разу и не пришел. Мама говорит, что в целом он очень милый, но никогда не разговаривает с нами, то есть с девочками».

«Однажды наша кошка убежала, и он принес ее обратно. Мы даже поговорили с ним немного через изгородь, ну, там о крикете и тому подобное, а потом он увидел приближающуюся Мег и ретировался. Но я все-таки хотела бы с ним подружиться, уверена, что дома он умирает от скуки и только рад будет поиграть с кем-то», – решительно сказала Джо.

«Что ж, он милый и воспитанный мальчик, юный джентльмен. Я вовсе не возражаю, чтобы вы познакомились, если представится подходящая возможность. Кстати, цветы для вас принес именно он, и мне, наверное, все же следовало пригласить его остаться на ужин, особенно учитывая, как он прислушивался к вашему веселью наверху. Он выглядел таким задумчивым и даже немного печальным, когда уходил. Уверена, что ему очень не хватает общения с ровесниками.

«Ах, как жаль, что он не заглянул на наше представление!» – засмеялась Джо, глядя на свои ботинки. «Обязательно пригласим его на наш следующий спектакль. Возможно, мы даже заангажируем его к постановке. Разве это не было бы здорово?»

«Мне еще никогда не дарили такой прекрасный букет! Как же красиво!» И Мег с большим интересом рассматривала свои цветы.

«Цветы *действительно* прекрасны! Но все равно для меня нет ничего прекраснее роз, которые выращивает Бет», – сказала миссис Марч, бережно взглянув на уже немного подуставший бутон у себя на груди.

Бет прижалась к ней и тихо прошептала: «Жаль, что мы не можем отправить цветы папе, уверена, это его порадовало бы, ведь, боюсь, что у него там Рождество проходит не так весело, как у нас».

3

Мальчишка Лоренс

«Джо! Джо! Где ты?» – воскликнула Мег, стоя у лестницы, которая вела на чердак.

«Да здесь я!» – ответил охрипший от длительного молчания голос сверху.

Мег забралась на чердак и обнаружила там свою сестру, закутавшуюся в кокон из пледа и сидящую на старом диване у окна. Она увлеченно грызла яблоко и лила слезы над «*Наследником Рэдклиффа*».¹¹ Чердак был любимым убежищем Джо. Здесь она любила уединяться, прихватив с собой интересную книгу и полдюжины яблок, чтобы вдоволь насладиться тишиной. Чердак Марчей уже давно облюбовала крыса, которая за эти годы настолько привыкла к компании Джо, что не обращала на нее внимания. Джо даже дала ей прозвище – мистер Скрэббл. Когда появилась Мег, крыса молниеносно скрылась у себя в норе, а Джо смахнула слезы со щек, села ровно и вопросительно посмотрела на сестру.

¹¹ «*Наследник Рэдклиффа*» (1853 г.) – популярный роман английской писательницы Шарлотты М. Янг. На воспитание в семью отдают под опеку мальчика-сироту из семейства дальних родственников. Но у сироты есть одно немаловажное достоинство – когда он станет совершеннолетним, ему достанется сказочное состояние в виде огромного поместья. История об интригах, самопожертвовании и борьбе за счастливое будущее.

«Угадай что у меня есть! Вот, ты только посмотри! Миссис Гардинер приглашает нас завтра к себе на праздничный прием!» – воскликнула Мег, размахивая драгоценной бумажкой и читая ее текст с девичьим восторгом.

«Миссис Гардинер будет счастлива видеть мисс Марч и мисс Джозефину¹² на своем маленьком новогоднем балу». Марми разрешила нам пойти. Нужно продумать свои наряды».

«А что тут думать-то? Ты ведь знаешь, что мы наденем наши обычные поплиновые платья, потому что у нас больше ничего нет» – ответила Джо с набитым ртом.

«Ах, если бы у меня было шелковое платье!» – вздохнула Мег. «Мама говорит, что купит, когда мне исполнится восемнадцать, но ждать еще целых два года – это целая вечность».

«Уверена, что наши поплиновые платья ничуть не хуже шелка. Во всяком случае, выглядят они весьма неплохо. Твое вообще как новенькое, а вот в своем я пропалила дырку на спине, еще и на видном месте. И что с ней делать, ума не приложу».

«Ну, постарайся в гостях сильно не суетиться и не поворачиваться спиной, спереди-то с платьем все в порядке. Я вплету в прическу новую ленту, а еще Марми обещала одолжить мне свою маленькую жемчужную булавку. Мои баль-

¹² Официальное обращение в девятнадцатом веке: старшую дочь называли по фамилии, а младших – по имени.

ные туфли уже заждались выхода в свет, перчатки тоже в полном порядке, хотя они не такие красивые, как мне бы хотелось».

«Я на свои пролила лимонад, а на новые у нас нет денег, так что обойдусь без перчаток», – сказала Джо, которая никогда особо не беспокоилась о своих нарядах.

«Ты *должна* быть в перчатках, иначе я не пойду», – решительно воскликнула Мег. «Перчатки – самый важный элемент наряда, ты не сможешь танцевать без них. Если ты будешь без них, я просто сгорю от стыда».

«Тогда я не буду танцевать. Да и не люблю я особо эти бальные танцы. Не вижу ничего интересного в вальсировании. Я больше люблю кружиться и скакать».

«Так, просить у мамы купить тебе новые перчатки мы точно не будем, ведь они такие дорогие. Джо, вот как можно так небрежно относиться к вещам? Мама же говорила, что если испортишь перчатки, новых не жди. Может, их все же можно как-то почистить?» – с тревогой спросила Мег.

«Нет, боюсь отстирать их не получится. Но я могу просто держать их в руках, никто и не заметит, что они испачканы. Или вот как мы можем сделать: каждая из нас наденет по одной хорошей перчатке, а в руках будет держать плохую. Как тебе идея?»

«Твои руки больше моих, и ты ужасно растянешь мою перчатку», – сказала Мег, которая буквально пылинки слудала со своих перчаток.

«Тогда пойду без них. Мне все равно, что скажут люди!» – крикнула Джо и принялась демонстративно читать свою книгу.

«Ладно, ладно, уговорила! Только не испачкай и мои перчатки. И постарайся вести себя прилично – не прячь руки за спину, не таращь глаза и не говори «Тысяча чертей!», если что-то тебя удивит. Хорошо?»

«Не беспокойся, буду вести себя как можно чопорнее и постараюсь не ставить тебя в неловкое положение. А теперь иди и ответь на приглашение, и дай мне дочитать этот великолепный рассказ».

Мег отправилась «с благодарностью принимать приглашение». Она, не теряя ни минуты, строго осмотрела свое платье и принялась нашивать на него кружевную оборку, весело напевая. Джо тоже времени не теряла – она дочитала рассказ, расправилась с оставшимися четырьмя яблоками и поиграла с мистером Скрэбблом.

В канун Нового года гостиная в доме Марчей пустовала, так как две младшие девочки играли роли костюмерш, в то время как две старшие «наводили маршкет» перед балом. И пусть образы их были весьма простыми и скромными, но сестры носились по комнате, как угорелые. В комнате царил суэта, смех и... характерный запах паленых волос. Мег решила, что ей срочно нужны локоны, и Джо, засучив рукава, принялась орудовать парой горячих щипцов и бумажными папильотками.

«А они и должны так дымить?» – спросила Бет, наблюдая за происходящим с кровати.

«В комнате сыро, вот и идет пар», – ответила Джо.

«Что за странный запах! Словно на огне жарят плохо ошипанную курицу», – заметила Эми, с самодовольным видом поглаживая свои красивые локоны.

«Вот сейчас я сниму папильотки, и вы увидите облако маленьких кудряшек», – сказала Джо, откладывая щипцы в сторону.

Но облако кудряшек никто не увидел, потому что бумажные папильотки снимались вместе с волосами, и перепуганный горе-парикмахер положил перед своей жертвой ряд обгоревших пучков на комод.

«О, нет! Что же ты наделала? Все пропало! Я не могу пойти на бал в таком виде! Мои волосы, мои бедные волосы!» – завопила Мег, с отчаянием глядя на опаленный завиток на лбу.

«Ох, зря ты меня попросила, сестренка, у меня же руки-крюки, вечно все порчу. Прости, мне так жаль! Видимо, щипцы были слишком горячими. Что же я наделала!» – простонала Джо со слезами на глазах.

«Все еще можно исправить, нужно совсем немного подкрутить волосы и завязать ленту так, чтобы кончики падали на лоб – такую прическу сейчас носят все модницы. Я сама видела», – утешительно сказала Эми.

«Я сама во всем виновата, намудрила и получила по за-

слугам. Надо было просто быть собой», – раздраженно воскликнула Мег.

«Мне очень нравятся твои прекрасные ровные волосы. Не переживай, они отрастут, глазом не успеешь моргнуть», – сказала Бет и подошла поцеловать сестру.

Пережив еще парочку промашек с вечерним туалетом, которые, к счастью, были не столь плаченными, как история с прической, Мег наконец-то была готова к выходу. Объединенными усилиями всего семейства собрали и Джо, волосы убрали в пучок и облачили в платье. Сестры выглядели очень мило в своих простых нарядах – на Мег было серебристо-серое платье с кружевной оборкой, которое украшала жемчужная булавка, а волосы ее были перехвачены голубой бархатной лентой. На Джо было коричневое платье со строгим воротничком-стойкой, а единственным ее украшением была парочка белых хризантем. Каждая надела по одной хорошей перчатке, а запачканную несла в руках. Вердикт семейства был таков – «мило и непринужденно». Бальные туфли на высоких каблуках были ужасно узкими и натирали Мег ноги, но она молча терпела, а Джо казалось, что все девятнадцать шпилек в пучке впивались ей прямо в голову, что было, мягко скажем, не очень удобно. Но что уж тут скажешь – красота требует жертв!

«Удачи, девочки! Хорошо вам провести время, мои дорогие!» – выкрикивала миссис Марч, пока сестры изящно спускались по ступенькам. «Не налегайте там на угощения

и будьте готовы уходить домой в одиннадцать, я пришлю за вами Ханну».

Мег и Джо уже было вышли со двора, когда из окна раздался голос:

«Девочки, девочки! Носовые платочки не забыли?»

«Да, да, взяли, Мег свой даже взбрызнула духами», – воскликнула Джо, а потом, хихикнув, добавила: «Думаю, Марми спросила бы про платочки, даже если бы мы все спасались бегством от землетрясения».

«Потому что мама у нас натура аристократичная, и очень, кстати, правильно она говорит, потому как настоящую леди всегда узнают по идеально чистой обуви, перчаткам и носовому платку», – ответила Мег, которая и свою натуру считала аристократичной.

«Итак, не забывай держаться ко всем лицом, чтобы никто не увидел пятно на спине, Джо. Глянь, у меня там пояс не перекрутился? А что насчет моей прически, все очень ужасно?» – тараторила Мег, нервно крутясь перед зеркалом в дамской комнате.

«Про пятно на спине могу и забыть, так что если увидишь, что я делаю что-то не так, просто подмигни мне, ладно?» – сказала Джо, одернув воротник и поспешно вернув на место парочку выбившихся прядей.

«Нет, подмигивать юным леди не гоже. Я подниму брови, если что-то не так, и кивну, если все в порядке. А теперь расправь плечи, делай короткие шаги и не вздумай пожимать

руки, если тебе будут кого-то представлять, леди так не делают».

«Столько правил, что голова кругом! Как уж тут все упомнить. Ой, что там за весёлая музыка внизу?»

Девочки спустились в гостинную, чувствуя некую неловкость, ведь они редко выходили в свет, и даже несмотря на то, что прием был маленьким и неформальным, для них это было грандиозным событием. Миссис Гардинер, статная пожилая дама, ласково поприветствовала их и оставила в компании старшей из своих шести дочерей. Мег знала Салли и уже очень скоро расслабилась и вела себя непринужденно, а вот Джо, которой было скучно слушать все эти девичьи сплетни, стояла, прислонившись к стене, и чувствовала себя не в своей тарелке. В другой части комнаты полдюжины ребят весело говорили о коньках, и ей очень хотелось пойти и присоединиться к ним, поскольку катание на коньках было одним из ее любимых занятий. Она шепнула о своем желании Мег, но ее брови так угрожающе поднялись, что Джо не осмелилась даже шевельнуться. Никто не заводил с ней разговор, девушки, стоявшие рядом с ней постепенно разбрелись, кто куда, и Джо осталась одна. Расхаживать по залу и веселиться она не могла, ведь кто-то мог заметить дырку на ее спине, так что все, что ей оставалось, это стоять у стенки и с тоской наблюдать за гостям. Пришло время танцев. Маргарет тут же пригласили на танец и она запорхала по паркету с такой грацией и легкостью, что глянув на ее довольную

улыбку, никто в жизни не догадался бы, какие муки доставляют ей ее тесные бальные туфли. Джо увидела, как высокий рыжеволосый юноша приближается к ее углу, и, испугавшись, что он собирается пригласить ее на танец, нырнула в плотную занавеску, за которой оказалась ниша. Джо решила провести остаток вечера в этом укрытии. Отсюда она могла спокойно наблюдать за балом и не бояться оконфузиться. Но, к ее сожалению, первым это тайное убежище обнаружил другой застенчивый гость, потому что, задернув за собой портьеру, она оказалась лицом к лицу с «мальчишкой Лоренсом».

«Боже мой, простите, я не знала, что здесь кто-то есть!» – запинаясь, пробормотала Джо, готовясь отступить так же быстро, как и проникла внутрь.

Но мальчик засмеялся и, пытаясь не показывать своего удивления, вежливо сказал: «Не обращайтесь на меня внимания, оставайтесь, если желаете».

«А я вас не беспокою?»

«Ничуть. Я спрятался здесь, потому что никого тут не знаю и чувствую себя немного чужим на этом празднике. Понимаете?»

«Вы даже не представляете, как хорошо я вас понимаю. Я здесь по той же причине. Мы можем посидеть тут вместе, если вы, конечно, не против моей компании».

Мальчик сел и стал внимательно рассматривать свои туфли, пока Джо изо всех сил вспоминала манерные сло-

вечки Эми, чтобы казаться сейчас максимально вежливой и непринужденной: «Думаю, я имела удовольствие видеть вас ранее. Вы, стало быть, живете в особняке недалеко от нас».

«Да, я живу по соседству». Он поднял голову и искренне рассмеялся, потому что чопорная манера Джо показалась ему довольно забавной, вспомнив, как они весело болтали о крикете, когда он принес тогда их кошку.

Это разрядило обстановку и Джо тоже рассмеялась, сказав от души: «Спасибо за прекрасный подарок на Рождество, мы так хорошо провели время с сестрами».

«Это все мой дедушка».

«Но идею-то подкинули ему вы, не так ли?»

«Как поживает ваша прелестная кошка, мисс Марч?» – спросил мальчик с серьезным видом, но блеск его темных глаз выдал ироничность вопроса и Джо поняла, что он с трудом сдерживает смех.

«Волшебно, спасибо, мистер Лоренс. Но я не мисс Марч, я всего лишь Джо», – ответила девушка с такой же показной серьезностью.

«А я не мистер Лоренс, я всего лишь Лори».

«Лори Лоренс – какое интересное имя!»

«Меня зовут Теодор, но мне не нравится это имя, потому что другие ребята сокращают его до «Дора», так что я заставил их называть меня Лори».

«Я тоже ненавижу свое имя – оно звучит так сентиментально, словно я какая-то неженка! Я тоже хочу, чтобы все

звали меня Джо вместо Джозефина. А как вы заставили мальчиков перестать называть вас Дорой?»

«Я их избил».

«Ну, избивать тетю Марч я точно не стану, так что, полагаю, придется терпеть». И Джо смиренно вздохнула.

«Разве вы не любите танцевать, мисс Джо?» – спросил Лори, с явным удовольствием произнося ее имя.

«Я обожаю танцевать, но когда много места и все веселятся. Тут я обязательно что-нибудь зацеплю или сломаю, наступлю кому-то из гостей на ногу или сделаю еще что-то ужасное, так что я держусь подальше от неприятностей и позволяю Мег насладиться этим вечером. А вы танцуете?»

«Иногда. Видите ли, я много лет прожил за границей и еще не до конца разобрался, что тут к чему».

«За границей!» – воскликнул Джо. «О, расскажите мне об этом! Я так люблю слушать о путешествиях».

Лори явно не ожидал такого интереса и даже немного растерялся, не зная, с чего начать свой рассказ, но нетерпеливые расспросы Джо вскоре заставили его собраться с мыслями, и он рассказал ей, как учился в школе в Ве́ве¹³ – там не нужно было носить головные уборы, на озере стояла целая лодочная флотилия, а на каникулах ребята собирались и все вместе отправлялись в увлекательные пешие походы по Швейцарии со своими учителями.

¹³ Ве́ве – красивый город на западе Швейцарии, расположенный на берегу Женевского озера. Популярный туристический курорт.

«Вот бы оказаться там!» – воскликнула Джо. «А в Париже вы бывали?»

«Мы провели там прошлую зиму».

«И по-французски умеете говорить?»

«В Вебе нам только так и было разрешено говорить».

«Скажите что-нибудь! Читать по-французски я умею, но как правильно произносить слова не знаю».

«*Quel nom a cette jeune demoiselle en les pantoufles jolis?*» – добродушно сказал Лори.

«Как хорошо у вас получается! Так, если не ошибаюсь, вы спросили: «Кто эта юная леди в красивых бальных туфлях?». Не так ли?»

«*Oui, mademoiselle*¹⁴».

«Это моя сестра Маргарет, и вы прекрасно знали это! Вы считаете, что она красивая?»

«Да, она напоминает мне немецких девушек, такая же ухоженная и воспитанная, и танцует, как истинная леди».

Джо очень обрадовалась такому комплименту в адрес своей сестры со стороны юноши, и решила, что обязательно слово в слово передаст его Мег.

Вот так они сидели в нише за занавеской, подглядывали за гостями, делали критические ремарки, шутили и болтали, словно хорошие знакомые. Вскоре Лори раскрепостился, потому что слегка мальчишеское поведение Джо развеселило и успокоило его. Настроение Джо тоже улучшилось, пото-

¹⁴ Да, мадемуазель.

му что ей уже не нужно было каждую секунду думать о своем платье и никто укоризненно не поднимал брови, глядя на нее. Джо была в восторге от «мальчишки Лоренса», поэтому она несколько раз внимательно изучила его с ног до головы, чтобы потом описать сестрам, ведь у них не было братьев, да и кузены жили далеко, так что они практически не общались. В общем, мальчики были для сестер Марч существами абсолютно неизвестными.

«Так, выющиеся черные волосы, смуглая кожа, большие черные глаза, красивый нос, прекрасные зубы, маленькие ручки и ноги, выше меня, очень вежливый, как для мальчишка, и в целом веселый парнишка. Интересно, сколько ему лет?» – размышляла Джо.

Этот вопрос так и крутился у нее на языке, но она вовремя сдержалась и решила все же попытаться выяснить это окольным путем.

«Вы, должно быть, готовитесь к поступлению в колледж? Я видела, как вы зубрите свои учебники – то есть, я хотела сказать усердно учитесь. И Джо покраснела от вырвавшего у нее ненароком жаргонного словечка «зубрить».

Лори улыбнулся – но шока на его лице от вульгарного словечка Джо не заметила – и, пожав плечами, ответил: «В ближайшие год или два точно нет. В колледж я пойду не ранее, как мне исполнится семнадцать».

«А вам что, сейчас пятнадцать?» – спросила Джо, глядя на высокого парня, которому она дала бы не меньше семна-

дцати лет.

«Будет шестнадцать в следующем месяце».

«Ах, как бы я хотела пойти учиться в колледж! Но что-то у вас я не вижу особого энтузиазма».

«Да, вы правы, мне претит мысль о колледже! Там одни зубрилки и разгильдяи. И вообще мне не очень нравится образ жизни мужчин в нашей стране».

«А чего же вам хочется?»

«Жить в Италии и жить так, как мне захочется».

Джо не терпелось спросить, как же именно ему хочется жить, но судя по тому, как он хмурил свои черные брови, это был какой-то болезненный вопрос, поэтому она сменила тему.

«Какая великолепная полька!» – сказала Джо, постукивая ногой в такт. «Может быть, вы хотите пойти потанцевать?»

«Только если вы тоже пойдете», – ответил юный Лоренс, галантно наклонив голову.

«Ой, а я не могу, я пообещала Мег, что не буду танцевать, потому что...» – Джо запнулась и, казалось, не знала, назвать ли ему истинную причину или просто рассмеяться.

«Потому что что?» – с неподдельным любопытством спросил Лори.

«Обещаете никому не говорить?»

«Клянусь!»

«Есть у меня дурная привычка стоять перед камином, когда в нем разожжен огонь, поэтому я часто прожигаю свои

платья. С этим платьем та же история, и хотя оно заштопано, брак все равно немного видно, вот Мег и запретила мне шастать по залу, чтобы никто не заметил. Можете смеяться, если хотите. Ситуация глупая, но и правда смешная.

Но Лори не засмеялся. Несколько секунд он стоял, опустив глаза, и Джо уже даже начала немного переживать, когда вдруг он очень мягко сказал: «Это все неважно. Я вам скажу, как мы поступим – в конце зала есть длинный холл, мы можем преспокойно потанцевать там и нас никто не увидит. Прошу вас, соглашайтесь».

Джо с радостью согласилась, но в тот момент больше всего ей захотелось, чтобы обе ее перчатки были чистыми, потому как ее партнер достал и как раз надевал прекрасные и безукоризненно чистые перчатки жемчужно-серого цвета. В длинном холле не было ни души, и они натацевались от души. Лори был отличным танцором и даже продемонстрировал пару-тройку движений из задорного немецкого танца, который очень понравился Джо, ведь он предполагал прыжки и повороты. Когда музыка стихла, они уселись прямо на лестнице, чтобы перевести дух. Лори только было начал рассказывать о студенческом фестивале в Гейдельберге,¹⁵ на котором ему посчастливилось побывать, как на горизонте появилась Мег. Она поманила Джо, и та неохотно последовала за ней в боковую комнату, где Мег, побледнев, сразу же

¹⁵ Город на юго-западе Германии, где находится Гейдельбергский университет, один из старейших европейских университетов.

плюхнулась на кушетку, держась за ногу.

«Кажется, я вывихнула лодыжку. Каблук подвернулся и я споткнулась. Мне так больно, что я с трудом могу стоять. Даже не знаю, как я буду добираться домой», – сказала она, раскачиваясь из стороны в сторону от боли.

«Я так и знала, что с этими дурацкими туфлями жди беды. Бедняжка Мег. Я вижу только два варианта – либо мы нанимаем экипаж, либо остаемся тут на ночь», – ответила Джо, мягко растирая пострадавшую лодыжку.

«Нет, экипаж нам не по карману. И где вообще мы сейчас найдем экипаж, большинство гостей ведь приехало на своих экипажах, а до конюшни идти далеко, да и послать нам некого».

«Я пойду», – решительно заявила Джо.

«Это исключено! Уже девять часов и на улице тьма тьмущая. Остаться здесь до утра тоже не получится, все комнаты уже заняты, у Салли остаются гостить ее подружки. Я посижу здесь и отдохну, пока не придет Ханна, а там уже как-то постараюсь дойти до дома.

«Я попрошу Лори, он сходит на конюшню», – сказала Джо с облегчением, когда в ее голове вдруг вспыхнула эта идея.

«Нет, умоляю тебя, не нужно! Никому не говори и никого ни о чем не проси. Лучше принеси мне мои галоши из прихожей, а бальные туфли положи к нашим вещам. Танцевать я больше точно не буду, так что когда закончится ужин, выглядывай там Ханну».

«Все уже идут на ужин. Лучше я посижу здесь с тобой».

«Не нужно, сестренка, лучше принеси мне кофе. Я так устала, что даже не могу пошевелиться!»

Мег уюстилась поудобнее на кушетке, прикрыв платьем галоши, а Джо отправилась добывать для сестры бодрящий напиток. После пары неудачных попыток она все же нашла столовую, где обнаружила старого мистера Гардинера, который решил устроить себе небольшой перекус. Джо смущенно метнулась к столу, налила в чашку кофе, который тут же пролила себе на платье, уравновесив пятно на спине мокрым пятном спереди.

«Ну что ж я такая безрукая!» – воскликнула Джо, вытирая кофейное пятно перчаткой Мег.

«Позвольте вам помочь?» – сказал дружелюбный голос. Джо обернулась и увидела Лори с чашкой кофе в одной руке и тарелкой с шариком мороженого в другой.

«Я хотела отнести что-нибудь Мег, бедняжка очень устала. Но кто-то меня подтолкнул, и вот результат на лицо», – ответила Джо, печально переводя взгляд с мокрого пятна на юбке на испачканную перчатку, которая приобрела теперь кофейный оттенок.

«Как досадно! А я как раз искал вас, чтобы предложить кофе и мороженое. Тогда, может, отнесем это вашей сестре?»

«О, спасибо большое! Я проведу вас к ней. Извините, что не предлагаю помочь вам что-то понести – боюсь, как бы опять что-то не учудить.»

Джо зашла в комнату первая, Лори последовал за ней. Он заботливо придвинул к кушетке маленький столик, поставил кофе и мороженое для Мег, а затем принес кофе и порцию мороженого для Джо. Он вел себя, как истинный джентльмен, что даже требовательная Мег назвала его «славным мальчиком».

Они ели конфеты, смеялись и были в самом разгаре игры в считалку в компании еще парочки юных гостей. Мег даже забыла о своей вывихнутой лодыжке, и когда в дверях появилась Ханна, она резко вскочила с кушетки поприветствовать ее, но тут же ухватилась за Джо, взыв от боли.

«Шшш! Ни слова! – прошептала она, увидев тревогу на лице Ханны, и добавила вслух, – Ничего страшного. Просто немного растянула лодыжку, ничего страшного», – а затем, прихрамывая, пошла наверх за пальто.

Ханна ворчала, Мег всхлипывала от боли, и не в силах больше на это смотреть, Джо решила взять дело в свои руки. Тихонько улизнув от них, она побежала вниз и спросила у проходящего мимо слуги, может ли он организовать им экипаж. Однако это оказался не слуга, а официант, который понятия не имел, где в округе есть стоянка экипажей. Джо уже настроилась идти просить помощи у гостей, когда к ней подошел Лори, который стал невольным свидетелем ее разговора с официантом и предложил подвезти их на экипаже своего деда, который только что приехал за ним.

«Но еще же так рано! Неужели вы собрались уезжать?» –

удивилась Джо, испытывая благодарность и облегчение, но не решаясь сразу принять предложение.

«Я всегда ухожу рано, честное слово! Пожалуйста, позвольте мне отвезти вас домой. Экипаж уже ожидает у парадного вода, к тому же говорят, погода испортилась и пошел дождь.

Это было настоящим спасением, и рассказав Лори о травме Мег, Джо с благодарностью согласилась и на радостях бросилась наверх, чтобы сообщить прекрасную новость Ханне и Мег. Ханна без раздумий согласилась, ибо ненавидела дождь, словно кошка. И вот они уже ехали домой в роскошном крытом экипаже, чувствуя себя истинными светскими дамами. Лори сел рядом с кучером, чтобы Мег могла без стеснения положить на сиденье больную ногу. Сестры ехали и обсуждали прием в приподнятом праздничном настроении.

«Я прекрасно провела время. А ты?» – спросила Джо, вынимая из волос шпильки, называя их не иначе, как орудием поток, и устраиваясь поудобнее.

«Да, все было прекрасно, пока я не подвернула ногу. Подруге Салли, Энни Моффат, я так понравилась, что она даже предложила погостить у нее неделю вместе с Салли. Но это будет весной, как раз во время гастролей оперного театра. Ах, это будет прекрасно, если только мама меня отпустит», – ответила Мег, расплывшись в мечтательной улыбке.

«Видела, ты танцевала с рыжим юношей, от которого я

сбежала. Он тебе понравился?»

«Да, очень! И вообще он не рыжий, у него каштановые волосы. Он был очень галантен, и мы с ним станцевали восхитительную редову¹⁶».

«Он был похож на кузнечика во фраке. Мы с Лори чуть не лопнули от смеха. Вы нас слышали?»

«Нет, но это было очень грубо с вашей стороны. Чего ты вообще пряталась за той занавеской?»

Джо рассказала ей о своих приключениях, и к тому времени, как она закончила, экипаж как раз подъехал к их дому. Они осыпали Лори словами благодарности и пожелали ему спокойной ночи. Мег и Джо прокрались в спальню, пытаясь не шуметь, чтобы не потревожить домашних, но стоило им зайти в спальню, как уже в следующее мгновение их дверь скрипнула, и два сонных, но нетерпеливых голоса заладили хором:

«Расскажите, как все прошло! Расскажите про бал!»

Джо достала из кармана горсть конфет, которые набрала на празднике для младших сестер – что Мег назвала «абсолютной безкультурщиной» – и девочки уселись на кровать, приготовившись слушать про самые волнующие события вечера.

«Должна сказать, что именно таким и должен быть вечер рафинированной юной леди – приехать домой в шикарном экипаже, а потом сидеть вот так расслабленно в своей ком-

¹⁶ Редова – быстрый танец чешского происхождения.

нате в пеньюаре, пока над тобой порхает горничная и всячески за тобой ухаживает», – рассуждала Мег, пока Джо прикладывала к ее ноге компресс из лечебных трав, а потом взялась расчесывать ее настрадавшиеся за сегодня волосы.

«Однако не думаю, что эти рафинированные юные леди веселятся больше, чем мы, даже несмотря на наши спаленные волосы, старые платья, одну пару перчаток на двоих и узкие бальные туфли, в которых у нас хватило ума скакать весь вечер, а потом еще и подвернуть лодыжку».

И знаете, думаю, Джо была абсолютно права.

4

У каждого своя ноша

«О боже, как же тяжело взваливать на себя ношу – забрасывать за спину котомки с заботами и обязательствами и выдвигаться в путь», – вздохнула Мег на следующее утро после праздничного бала у миссис Гардинер, потому что теперь, когда рождественские каникулы закончились, пришло время возвращаться к своим обязанностям, что после недели отдыха и развлечений было ох как не просто.

«Ах если бы Рождество и Новый год никогда не заканчивались! Здорово бы было, правда?» – уныло ответила Джо, зевая и потягиваясь.

«Конечно, негоже веселиться в такое тяжелое время, но ведь это так приятно – наслаждаться вкусным праздничным ужином, любоваться букетом на столе, посещать балы и возвращаться домой не пешком, а на экипаже, а еще читать и отдыхать, а не работать, как лошадь. Как же я завидую девочкам, которые могут себе позволить вести беззаботную жизнь! Признаюсь, я люблю роскошь», – сказала Мег, пытается решить, какое же из двух ее поношенных платьев было менее потрепанным.

«Что ж, роскошь нам в любом случае не светит, так что нужно поменьше ныть и, засучив рукава, тащить свою ношу

и не унывать, как наша веселая Марми. Конечно, тетушка Марч ездит на мне, как тот старик из сказки про Синдбада-морехода,¹⁷ но думаю, когда я научусь не жаловаться на каждую раздражающую меня мелочь, она спрыгнет с моих плеч, ну, или хотя бы станет настолько легкой, что я даже не буду ее замечать».

Эта идея целиком захватила воображение Джо и подняла её настроение, а вот Мег все еще грустила, потому что ее ноша, состоящая из четырех избалованных детей, казалась ей тяжелее, чем когда-либо. У нее даже не было настроения особо прихорашиваться перед зеркалом и мудрить что-то с голубой лентой для волос.

«Какая разница, как я буду выглядеть, если меня все равно никто не видит, кроме этих маленьких монстров, и никому нет никакого дела до того, красива я или нет?» – пробормотала она и резко задвинула ящик стола. «Видимо, так и буду всю жизнь мучиться и работать, как ломовая лошадь, лишь изредка балуя себя выходами в свет, а потом не успею оглянуться, как стану сморщенной старухой. Вот что за наказание быть бедной и лишенной возможности наслаждаться жизнью, как другие девочки!»

За завтраком Мег сидела мрачнее тучи, впрочем, казалось, что сегодня все встали не с той ноги. У Бет болела го-

¹⁷ Старик из сказки «Синдбад-мореход» из цикла «Тысяча и одна ночь», который забрался Синдбаду на плечи и отказывался спускаться. В итоге Синдбад все освобождается от этого бремя, напоив старика.

лова и она лежала на диване, играясь с кошкой и ее тремя котятами, чтобы хоть немного развеяться; Эми нервничала, потому что не доучила уроки, а еще она где-то посеяла свои галоши; Джо насвистывала и собиралась к тетушке Марч, создавая при этом, как впрочем, и обычно, много шума; а миссис Марч пыталась собраться с мыслями и дописать письмо, которое нужно было обязательно сегодня отправить. Ханна тоже причитала, что не могла допоздна уснуть и теперь чувствует себя разбитой.

«Ну что за семейка неудачников!» – воскликнула Джо, теряя самообладание, опрокинув чернильницу, порвав оба шнурка на ботинках и в придачу сев на свою шляпу.

«И ты в ней главная неудачница!» – огрызнулась Эми со слезами на глазах, уже в который раз вытирая черкая страницу в тетради, потому что никак не могла правильно решить задачу по математике.

«Бет, если ты не отнесешь этих блохастых кошек в подвал, я сама от них избавлюсь, вот честное слова, утоплю!», – сердито воскликнула Мег, пытаясь сбросить со спины котенка, который вцепился в платье и повис где-то в районе лопаток, так что Мег не могла его достать.

Джо хохотала, Мег ворчала, Бет умоляла не трогать кошек, а Эми рыдала, потому что не могла вспомнить, сколько будет девять умножить на двенадцать. Тут уже не выдержала миссис Марч.

«Девочки, девочки, угомонитесь и помолчите минутку!»

Мне нужно отправить это письмо утренней почтой, а вы отвлекаете меня своим галдежом», – воскликнула она, уже третий раз переписывая одно и то же предложение.

Наступило кратковременное затишье, нарушаемое лишь скрипом половиц под ногами Ханны, которая вынесла и поставила на стол два небольших горячих пирог, а потом снова удалилась на кухню. Девочки называли их «муфточками», потому что настоящих муфт у них не было, а горячие пироги прекрасно согревали их руки холодным утром по дороге на работу. В каком бы плохом настроении не была Ханна, она никогда не забывала испечь пирог для Мег и Джо, потому путь на работу был долгим и холодным, да и пообедать толком бедняжки не могли, так как редко когда возвращались домой раньше двух.

«Говорят, что кошки снимают боль, так что прижмись к ним покрепче и приласкай, Бет. Пока, Марми. Пусть сегодня утром мы были настоящими фуриями, но когда вернемся домой, обещаю, будем ангелочками, как обычно. Все, пошли, Мег!» – и Джо распахнула входную дверь, подумав про себя, что их «путешествие пилигримов» началось не очень гладко.

Прежде чем повернуть за угол, сестры оглянулись – это была традиция – и, как и всегда, в окне они увидели мать, которая улыбалась и махала им рукой. Иначе и быть не могло, ведь в каком бы плохом настроении они не выходили из дома, улыбающееся лицо матери всегда озаряло их души и

наполняло сердце радостью.

«Было бы правильнее, если бы Марми пригрозила нам кулаком вместо того, чтобы слать воздушные поцелуи, ведь вели мы себя утром не иначе как по-свински, таких вредин, как мы, еще поискать надо», – воскликнула Джо. Ей было стыдно за свое поведение и поведение сестер, так что то, что им с Мег приходится сейчас идти по слякоти, а лицо их обдувает холодный колючий ветер, казалось справедливым наказанием за утренний беспредел.

«Не используй такие ужасные выражения», – сказала Мег, с головой зарывшись в теплый платок.

«Я люблю сильные словечки, потому что они передают самую суть», – ответила Джо, вовремя успев схватить свою шляпу, которая с порывом ветра уже собиралась отправиться в собственное путешествие.

«Себя называй как хочешь, но я не свинья и не вредина, и я не хочу, чтобы меня так называли».

«Ты – избалованная девчонка, Мег, и думаю, что причина твоего сегодняшнего скверного настроения в том, что ты бесишься, что не можешь жить в роскоши. Но подожди немножко, я заработаю кучу денег и буду возить тебя на экипажах, кормить мороженым, засыплю прекрасными букетами и куплю тебе целую кучу модных туфель на высоких каблуках, чтобы ты могла танцевать с рыжеволосыми юношами».

«Ну ты и дурочка, Джо, скажешь так скажешь!» – Мег рас-

смеялась, но, как ни странно, эта чепуха подняла её настроение.

«Вот радуйся, что я такая, а то шли бы сейчас вдвоем, как в воду опущенные, и толку! Я всегда стараюсь находить во всем что-нибудь смешное – так жить гораздо веселее. Так, прекращай бузить. Выше нос, сестренка!» – Джо ободряюще похлопала сестру по плечу.

В какой-то момент их пути разошлись, и каждая пошла своей дорогой, грея руки о маленький пирог. Каждая старалась сохранять бодрость духа, несмотря на суровую зимнюю погоду, тяжелую работу и несбывшиеся мечты о беззаботной юности.

Когда мистер Марч лишился всех своих сбережений, пытаясь помочь нерадивому другу, две старшие дочери умоляли разрешить им пойти работать, чтобы зарабатывать хотя бы себе на карманные расходы. Родители согласились, полагая, что таким образом девочки разовьют в себе трудолюбие и независимость. Мег и Джо с воодушевлением принялись за работу, свято веря, что «терпение и труд все перетрут». Маргарет устроилась гувернанткой, и даже то небольшое жалование, которая она получала, в данных условиях казалось ей целым состоянием. Как она сама призналась, она «любила роскошь», и внезапно обрушившаяся на нее бедность очень сильно ее угнетала. Ей было труднее смириться с положением, чем ее сестрам, потому что будучи самой старшей, она прекрасно помнила времена, когда их дом был полон рос-

кошных вещей, а жизнь состояла из удовольствий и развлечений. Мег старалась не падать духом и не завидовать своим богатым подругам, но ведь очевидно, что любая молодая девушка хочет ходить в красивых платьях, весело проводить время с друзьями и в целом жить счастливой, не обремененной заботами жизнью.

В семье Кингов, куда Мег устроилась гувернанткой, она ежедневно наблюдала все то, о чем так мечтала и чего лишилась с потерей состояния. Старшие дочери как раз начали активно посещать «балы дебютанток»,¹⁸ так что Мег часто приходилось с болью в сердце смотреть на их изящные бальные платья и прекрасные букеты от потенциальных ухажеров, а также слушать сплетни о театрах, концертах, катаниях на санях и всевозможных веселых развлечениях. Они видели, как деньги расточаются на пустяки, которых она так желала и которые ей никогда не будут доступны. Бедняжка Мег редко жаловалась, но порой ее переполняла горечь и чувство вопиющей несправедливости, она злилась на все и всех вокруг, еще пока не понимая, насколько щедро ее благословила судьба, и что счастье вовсе не в деньгах.

Джо устроилась компаньонкой и помощницей к тетушке Марч, которая была хромой и помимо развлечений нуждалась в помощи по дому. Бездетная старушка даже предложи-

¹⁸ Девушку представляли светскому обществу в возрасте 16–20 лет. Первый бал являлся по сути и первым вступлением в свет, моментом, с которого юная особа попадала в число взрослых людей. Ну и могла считаться девицей на выданье, разумеется.

ла удочерить одну из девочек, когда ее младший брат, мистер Марч, обанкротился, и, к слову, очень обиделась, когда ее предложение было категорически отклонено. Некоторые друзья призывали Марчей быть более дальновидными и принять предложение старухи, ведь тогда у них будут все шансы попасть в завещание богатой вдовы, но Марчи были непреклонны и всегда твердили:

«Мы не откажемся от наших девочек ни за какие сокровища мира. В богатстве или в бедности, мы всегда будем держаться вместе, ведь наше счастье в заботе друг о друге».

Старушка обиделась и даже какое-то время не разговаривала с братом, пока однажды случайно не встретила Джо в гостях у подруги. Ее непосредственность и прекрасное чувство юмора были словно глоток свежего воздуха в однообразном чопорном мире пожилой дамы и она предложила Джо стать ее компаньонкой. Конечно, Джо была не в восторге от перспективы целый день быть на побегушках у взбалмошной старухи, но она согласилась, так как других вариантов у нее не было, но, к всеобщему удивлению, она прекрасно ладила со своей вспыльчивой родственницей. Конечно, случались между ними и ссоры. Тогда Джо хлопала дверью и отправлялась домой, в сердцах заявляя, что ее терпение лопнуло и больше она не пойдет к этой невыносимой старой карге. Они обе обладали взрывным характером, но также быстро отходили, так что вскоре тетушка Марч просила ее вернуться обратно с такой настойчивостью, что Джо не мог-

ла отказаться, ведь в глубине душе ей нравилась эта эксцентричная старая леди.

Хотя подозреваю, что не последнюю роль в покладистости Джо играла большая библиотека, которая после смерти дядюшки Марча простаивала, припадала пылью и была всецело передана на попечение пауков. Джо помнила этого добродушного старого джентльмена, который позволял ей строить железные дороги и мосты из своих огромных словарей, а потом рассказывал ей увлекательные истории, показывая причудливые иллюстрации в своих талмудах, написанных на латыни. Всякий раз, когда они встречались на прогулке, он покупал ей открытки и угощал пряниками. Библиотека представляла собой полутемную пыльную комнату, где с высоких книжных стеллажей на вас покровительственно смотрели гипсовые бюсты известных ученых, а посередине комнаты стояли удобные кресла и большие глобусы. И, самое главное, там было просто огромное множество книг, которые были в распоряжении Джо. Когда тетушка Марч дремала в кресле или к ней на чай заходили подруги, Джо спешила в это тихое убежище и, свернувшись калачиком в мягком кресле, с головой окуналась в мир поэзии, романтики, истории и приключений. Но, как это часто бывает, счастье длилось недолго, ибо стоило ей только дойти до самого интересного места в книге, пронзительный женский голос вопил: «Джозефина! Джозефина!», и ей приходилось покидать этот райский уголок, чтобы заниматься всякой чепухой, вроде сматыва-

ния пряжи в клубок, купания пуделя старушки или чтения вслух скучных философских очерков некоего Белшема,¹⁹ которые тетушка Марч почему-то считала крайне занимательным чтивом. Джо очень хотелось совершить что-нибудь выдающееся, правда, она пока сама не знала, что именно, но искренне верила, что со временем ей в голову обязательно придет какая-нибудь сногшибательная идея. А пока больше всего ее тяготило то, что она не может себе позволить читать, бегать и кататься верхом столько, сколько ей хотелось бы. Из-за своего вспыльчивого характера, острого языка и мятежного духа она всегда попадала в нелепые ситуации, иногда довольно комичные, но иногда приходилось и краснеть от стыда. И все же Джо считала, что общение с тетушкой Марч было для нее настоящей школой жизни и однажды она оценит его по заслугам, а мысль о том, что она помогает своей семье, самостоятельно обеспечивая себя (пусть пока и не полностью), делала ее счастливой, так что она готова была ради доброго дела потерпеть этот раздражающий клич: «Джозе-фина!».

Бет была невероятно застенчивой и робкой, и после нескольких неудачных попыток отдать ее в школу, родители, увидев страдания ребенка, решили обучать ее дома. С Бет занимался отец. И даже когда он ушел на фронт, а мать занялась благотворительностью и почти все свое время прово-

¹⁹ Имеются в виду «Очерки, философские, исторические и литературные» британского политического писателя Уильяма Белшема (1789–1790).

дила в Обществе помощи фронтовикам, Бет добросовестно продолжала учиться сама. По своей натуре она была заядлой домоседкой, поэтому вызвалась помогать Ханне по хозяйству. Делала она это абсолютно безвозмездно, не ожидая взамен ничего кроме любви и благодарности родных. Она старалась изо всех сил, чтобы сестры и мать после тяжелого рабочего дня приходили в чистый и уютный дом. Бет было совершенно не скучно сидеть целыми днями дома в одиночестве, потому что она жила в своем маленьком воображаемом мире и всегда придумывала себе какое-нибудь интересное занятие. Например, каждое утро она будила и наряжала шестерых своих подопечных кукол, потому что, как ни крути, Бет была еще ребенком.

Все куклы были уже изрядно потрепанными и старыми, так как все они, прежде чем перейти на попечение Бет, некогда послужили старшим сестрам. Эми наотрез отказалась играть с ними, потому что терпеть не могла старые и поломанные вещи, так что куклы были всецело в собственности Бет. Она жалела их и даже положила «подлечиться» в больницу для немощных кукол. Бет относилась к ним очень бережно, никогда не ругала их, не втыкала булавки в их ватные тела и не бросала их на пол, считая, что эти несчастные создания уже и так вдоволь пострадали. Она наряжала их устраивала с ними чаепития, и как могла окружала заботой и лаской. Одна из кукол принадлежала когда-то Джо, и, как несложно догадаться, на ней почти не осталось живого места,

поэтому она отправилась доживать остаток жизни в мешок с тряпками. Но Бет спасла ее из этой богодельни, немного подлатала и сшила платье из старых лоскутов. Чтобы прикрыть изрядно облысевшую голову, Бет смастерила ей чепчик из носового платка, а потерянные при неизвестных обстоятельствах руки и ноги были скрыты под накидкой. Этой бедняжке она выделила лучшую кукольную постель, ведь судьба и так была к ней крайне жестока.

Со стороны вся эта кукольная возня выглядела довольно забавно, но зная, сколько заботы и труда Бет вкладывала в выхаживание своих кукол, если кто и засмеялся бы, то только от умиления добротой этой маленькой девочки. Старая кукла Джо была ее любимицей – Бет приносила ей цветы, читала сказки вслух, выносила в сад подышать свежим воздухом, пряча под своим пальто, чтобы та не простудилась, а еще пела ей колыбельные и всегда целовала перед сном ее грязную мордашку, нежно приговаривая: «Спокойной ночи, моя бедняжечка».

Конечно, и Бет иногда капризничала, как и любая маленькая девочка, она могла порой всплакнуть, потому что не могла себе позволить брать уроки музыки и купить хорошее фортепиано. А ведь она так сильно любила музыку, старательно учила нотную грамоту и терпеливо практиковалась на старом расстроенном пианино, тайно надеясь, что кто-то (ну, хотя бы та же тетушка Марч) вызовется помочь раскрыть ее талант. Однако желающие помочь никак не объявлялись,

ведь никто не видел, как Бет в одиночестве тихонько лила слезы на пожелтевшие клавиши, которые предательски отказывались издавать нужную ноту. Она пела о своей работе по дому тоненьким, как у жаворонка, голосочком, и всегда была рада аккомпанировать Марми и девочкам за традиционным вечерним пением. Изо дня в день она ободряюще говорила себе: «Старайся, Бет, будь прилежной, и тогда однажды у тебя будет все, и новое фортепиано, и уроки музыки».

А ведь в мире много таких Бет, застенчивых и тихих, сидящих в своих укромных уголочках до тех пор, пока не понадобится их помощь. Они живут для других и никогда не жалуется, поэтому никто не видит, на какие жертвы им порой приходится идти. И вот однажды они умолкают навсегда, как умолкает сверчок на печи, и только тогда их солнечное присутствие оценивают по достоинству, хотя уже и поздно.

Если бы кто-нибудь спросил Эми, что больше всего в жизни ее тяготит, она бы сразу ответила: «Мой нос». Когда она была маленькой, Джо случайно толкнула ее на металлическое ведро с углем, и по мнению Эми, что падение изуродовало ей нос. Он не был большим или красным, просто немного приплюснутым, и сколько бы Эми его не щипала и не тянула, аристократической тонкости это ему не добавило. Впрочем, никто не обращал на это внимания, кроме нее самой, кроме того, по мере того, как девочка росла, вытягивался и ее нос, приобретая абсолютно нормальную форму. Но Эми все равно придиралась к нему и, мечтая об изящном

греческом профиле, постоянно делала зарисовки красивых ровных носов.

Сестры прозвали Эми «маленьким Рафаэлем»²⁰ за ее явный талант к рисованию, а излюбленными темами ее картин, помимо красивых носов, были цветы, феи и разные причудливые иллюстрации. Правда школьные учителя иногда жаловались, что вместо того, чтобы решать задачи, она рисовала животных на полях, пустые страницы атласа, предназначенные для копирования карт, были также испещрены рисунками, а еще из ее учебников нередко в самый неподходящий момент выпадали карикатуры на учителей и других учеников. Но помимо этого Эми старалась быть прилежной ученицей и благодаря своему образцовому поведению учителя по большей части закрывали глаза на ее повсеместную страсть к рисованию. Одноклассницы любили Эми, так как она всегда была очень вежливой и тактичной. Все восхищались ее изысканными манерами и грацией.

Рисование было не единственным достижением Эми. Также она умела играть на фортепиано двенадцать мелодий, вязать крючком и читать по-французски, неправильно произнося лишь треть слов. Бывало, она жалобным тоном говорила: «Когда *papa* был богат, мы делали то-то и то-то», и это звучало так трогательно, а вычурные длинные слова, которыми Эми иногда любила щегольнуть, ее подружки считали

²⁰ Имеется в виду великого итальянского художника эпохи Возрождения Рафаэля Санцио (1483–1520).

«верхом элегантности».

Но, возможно, эта всеобщая любовь и потакание прихотям избаловали ее, потому что ее тщеславие и эгоизм росли изо дня в день. Единственным, что хоть немного сбивало с нее спесь, было то, что ей приходилось донашивать одежду кузины, чем Эми была страшно недовольна. И в данном случае дело было даже не в том, что ей доставались чьи-то обноски, а в том, что у матери Флоренс (так звали кузину) напроць отсутствовало чувство стиля. В целом, это были вполне добротные вещи, но тонкий художественный вкус Эми не мог смириться с тем, что ей придется носить красный чепчик вместо синего и натягивать на себя платья несуразных расцветок и фасонов, которые ей абсолютно не шли. Особенно Эми страдала этой зимой, ведь ей приходилось ходить в школу в блеклом пурпурном платье в желтый горох, еще и без единой оборочки.

«Одно меня тешит, – призналась она Мег, – мама не укорачивает мои платья,²¹ даже когда я плохо себя веду. То ли дело мать Мэри Паркс. Ах, ты бы это видела! Иногда, когда Мэри что-нибудь учудит, ее платье укорачивают до колен –

²¹ В 18-м веке все молодые девушки (16–19 лет) носили платья до пола. В начале 19-го века юбки начали укорачиваться. Семнадцатилетние и восемнадцатилетние девушки считались уже молодыми леди и носили юбки такой же длинные, как и взрослые женщины. Шестнадцатилетние девочки носили юбки длиной до лодыжки, четырнадцатилетние – до икры, а двенадцатилетние – чуть ниже колен. Предположительно, платье могли укорачивать в качестве наказания для девочки, чтобы показать ее ребячество и инфантильность. Эми стыдится укорачивания платья, так как уже считает себя вполне взрослой юной леди.

в таком виде она даже в школу стыдится приходиться. Когда я думаю о такой *деградации*²², то мне кажется, что мой приплюснутый нос и жуткое пурпурное платье с желтыми кляксами не такая уж и большая беда».

Эми считала Мег безусловным авторитетом и образцом для подражания, а вот у Джо самые теплые и доверительные отношения сложились, как ни странно, с Бет, которая была ее полной противоположностью. Бет тоже тянулась к Джо, и только ей решалась озвучивать свои потаенные мысли и переживания. Кстати именно Бет, конечно же абсолютно неосознанно, оказывала на Джо самое большое влияние в семье. У Мег и Джо тоже сложились прекрасные отношения, но они договорились, что каждая из них станет наставницей для одной из младших сестер – такая себе игра в «дочки-матери» – возможно, это был своего рода материнский инстинкт, который сейчас эти маленькие женщины перенаправили с кукол на своих сестер.

«Расскажите мне что-нибудь? У меня сегодня был просто невероятно унылый день», – сказала Мег, когда они вечером сидели вместе за шитьем.

«Сегодня тетушка Марч такое выкинула – сейчас расскажу», – начала Джо, которая очень любила рассказывать всякие байки. «Я, как обычно, читала ей этого зануду Белше-

²² Имеется в виду слово «*деградация*» – Эми недавно пополнила свой словарный запас очередным вычурным словом, но, как обычно, не до конца разобралась с его правильным произношением.

ма, естественно приглушенно и монотонно, потому что так она быстрее засыпает, а это значит, что у меня будет больше времени почитать какую-нибудь интересную книгу из ее библиотеки. Но я, видимо, перестаралась с монотонностью, потому и сама начала клевать носом еще до того, как отправилась в страну грез старушку. В какой-то момент я так широко зевнула, что она спросила меня, не боюсь ли я ненароком проглотить книгу целиком. Я тоже решила сострить и ответила, что если это поможет раз и навсегда избавиться от этой скучной книги, то я готова попробовать. Но, очевидно, старуха не оценила моей шутки, потому что далее последовала длинная нотация о грехах, после чего она велела мне сесть и подумать над своим поведением, пока она немного вздремнет. Ну, я-то знала, что ее «немного» обычно затягивается на пару часов крепкого сна, так что едва ее чепец начал покачиваться, как георжин, я вытащила из кармана «Вексфильдского священника»²³ и принялась читать, поглядывая на старушеницу одним глазом. И вот я дошла до смешного момента, где все попадали в воду и, потеряв бдительность, громко захохотала. Тетя, естественно, проснулась, но будучи обычно после сна более милосердной, велела немного почитать ей вслух этого моего «Вексфильдского священника», чтобы она послушала, что же это за чтиво я предпочла ее прекрасному

²³ Чрезвычайно популярный в то время роман английского писателя Оливера Голдсмита, написанный в 1766 году. Повествует об испытаниях священника и его семьи, ставших жертвами местного помещика и потерявших свое состояние.

и поучительному Белшему. Я старалась изо всех сил, читала с выражением – и знаете, что? Ей понравилось, правда, она сказала:

«Что-то я не понимаю, в чем там дело. Начни-ка читать с самого начала, дитя».

«Я начала читать ей книгу с начала, и как могла пыталась заинтересовать ее жизнью семейства Примрозов. Я даже решила ее немного подразнить, остановившись на интересном моменте и небрежно спросив: «Вы должно быть, утомились, тетушка. Может, мне прекратить читать?» Она тут же взялась за вязание, о котором уже и позабыла, прищуренно посмотрела на меня, спустив очки на кончик носа, и коротко сказала: «Давай-ка дочитывай главу до конца и не дерзи мне тут, юная мисс».

«Неужто она признала, что ей понравилась твоя книга?» – спросила Мег.

«Угу, держи карман шире! Что ты, нет, конечно же! Но хоть отложила старину Белшема на полку. А когда я перед уходом вернулась в комнату за перчатками, она так увлеклась чтением «Вексфильдского священника», что даже не слышала, как я хихикнула, когда на радостях танцевала джигу в коридоре. Ах, а ведь ее жизнь могла быть совсем другой, стоило ей только захотеть! По правде говоря, я ей ни капельки завидую. Да, она богата, но жизнь ее полна проблем ничуть не меньше, чем у бедных», – задумчиво добавила Джо.

«Кстати, ты напомнила мне, что и мне есть что вам рас-

сказать», – сказала Мег. «Моя история, конечно, не такая забавная, как у Джо, но я много думала об этом по дороге домой. Сегодня в доме Кингов был какой-то переполох, и одна из моих подопечных девочек рассказала мне, что ее старший брат сильно провинился, и отец выгнал его из дома. Я слышала, как миссис Кинг плакала, мистер Кинг очень громко и сердито разговаривал, а Грейс и Эллен прятали лица, когда проходили мимо меня, видимо, чтобы я не увидела их заплаканные глаза. Я, конечно, не задавала лишних вопросов, но мне было их очень жаль, и в тот момент я была рада, что у меня нет таких старших братьев, которые могли бы вот так безответственно себя вести и позорить семью».

«А мне вот кажется, что самой опозориться в школе – это намного *хуже*, чем все, что могут учудить нерадивые братья», – сказала Эми, многозначительно кивая головой, словно она обладала куда более богатым жизненным опытом, нежели Мег. «Вот вам по-настоящему ужасная история: Сьюзи Перкинс пришла сегодня в школу с красивым кольцом с сердоликом. Я смотрела на него и мне так хотелось быть на ее месте. Сидим мы, значит, на уроке, а Сьюзи рисует карикатуру мистера Дэвиса с ужасным таким большим носом и горбом, и якобы он говорит: «Юные леди, я не свожу с вас глаз!». Мы хихикнули, и тут вдруг его взгляд остановился на нас, и он велел Сьюзи показать свою тетрадь. От испуга ее всю *парировало*,²⁴ но она все же кое-как встала из-

²⁴ Эми имеет в виду «парализовало».

за парты, подошла к нему и показала свои художества. И что, вы думаете, он сделал? Он взял ее за ухо – за ухо! Вы представляете себе этот ужас! Он поставил ее перед всем классом и велел стоять так полчаса, держа рисунок перед собой, чтобы все могли видеть».

«Все девочки, должно быть, смеялись над карикатурой?» – спросила Джо в предвкушении кульминационного момента истории.

«Смеялись? Никто и звука не издал! Сидели тихо, как мыши, а Сьюзи стояла и плакала. Вот тогда мне быстро расхотелось быть на ее месте, потому что я понимала, что после такого позора меня не утешат даже миллионы колец с сердечком. Я бы никогда не оправилась после такого мучительного унижения».

«А я сегодня утром увидела кое-то, что мне очень понравилось, и собиралась рассказать вам об этом за ужином, но забыла», – сказала Бет, наводя порядок в корзинке для шитья Джо, потому что нитки в ней все поспутывались, а иголки хаотично валялись по всей корзине. «Так вот, Ханна послала меня в рыбную лавку за устрицами, и там был старый мистер Лоренс. Но он меня не заметил, потому что я притаилась за бочкой, пока хозяин лавки, мистер Каттер, его обслуживал. Вдруг вошла какая-то несчастная женщина с ведром и шваброй, и спросила мистера Каттера, можно ли ей помыть пол у него в лавке в обмен на рыбу, потому что ей нечем кормить детей. Мистер Каттер сердито глянул на нее и ве-

лел убираться прочь. И вот она уже собиралась уходить, когда мистер Лоренс подцепил большую рыбу изогнутой рукоятью своей трости и протянул женщине. Она была так рада и удивлена, что взяла ее голыми руками и принялась безудержно благодарить его. Мистер Лоренс велел ей «скорее идти и приготовить обед своим детям», и она поспешила прочь. Лицо ее так и сияло от счастья! Это так благородно с его стороны, не правда ли? О, было так забавно, когда женщина стояла, прижимая к груди большую скользкую рыбину, и тараторила благодарности и благословения.

Все посмеялись над рассказом Бет, и теперь пришла очередь Марми рассказывать историю. Немного подумав, она сказала: «Сегодня я сидела, кроила куртки из синей фланели и думала о вашем отце и о том, что если, не дай Бог, с ним что-нибудь случится, мы останемся совсем одни, беспомощные и несчастные. Такие мысли, конечно, нужно сразу отгонять, но я не могла ничего с собой поделать. Я сидела там и переживала, пока не пришел старик с заказом на одежду. Он присел на стул и я решила завести с ним беседу, потому что он выглядел несчастным, усталым и встревоженным. В руках он держал свернутый листок бумаги.

«У вас сыновья на фронте?» – спросила я, увидев, что записка в его руках явно предназначалась не мне.

«Да, мэм. У меня было четверо сыновей, но двое убиты, третий попал в плен, а к четвертому я сейчас поеду, он получил серьезное ранение и лежит в Вашингтонском госпита-

ле», – тихо ответил он.

«Вы очень много сделали для своей страны, сэр», – сказал я с чувством скорее уважения, нежели жалости.

«Не больше, чем того требовал долг, мэм. Я бы и сам пошел воевать, если бы от меня была там хоть какая-то польза. Но я уже стар, и был бы там обузой, поэтому я отправил своих мальчиков. Так было нужно, поэтому я ни о чем не жалею».

«В его голосе не было печали, он был таким искренним, и казалось, что он был рад отдать все, что у него было. Мне даже стало стыдно за себя, ведь у меня на войну ушел только один родной человек, и то я думала, что это слишком, а он отпустил четверых сыновей, не сожалея об этом. Со мной остались все мои дети, а он потерял двоих сыновей, третьего, возможно, никогда больше не увидит, а четвертый лежит при смерти в больнице где-то далеко и, возможно, цепляется за жизнь только чтобы увидеть отца в последний раз и попрощаться! В тот момент я почувствовала себя такой богатой и счастливой, что собрала ему хорошую посылку из вещей первой необходимости, дала немного денег и поблагодарила за урок, который он только что преподавал мне».

Где-то с минуту никто не решался говорить, но потом Джо все же нарушила тишину:

«Расскажи еще одну историю, мама, тоже, с моралью, как была эта. Я люблю потом обдумывать и анализировать твои истории, потому что они такие жизненные».

Миссис Марч улыбнулась и тут же начала свой рассказ, ведь она прекрасно знала, какие истории нравятся ее детям.

«Жили-были четыре девочки, у которых было все – еда и одежда, развлечения и радости, верные друзья и любящие родители, но все равно они были чем-то недовольны». (В этот момент сестры многозначительно пересмотрелись и принялись усердно шить). «Эти девочки очень хотели быть хорошими и дали много торжественных обещаний, но они не очень хорошо их выполняли, постоянно находя отговорки наподобие «Ах, если бы у нас было это» или «Ах, если бы мы только могли делать то», совершенно забывая, сколько у них уже было и сколько прекрасных вещей они на самом деле могли делать. И тогда они отправились к старой волшебнице и спросили, существует ли заклинание, которое может сделать их счастливыми, на что она ответила: «Когда вы чувствуете недовольство, просто подумайте о том, что у вас уже есть и будьте благодарны за это». (Здесь Джо подняла глаза, будто собиралась что-то сказать, но быстро передумала, понимая, что история еще не закончена).

«Будучи разумными девочками, они решили последовать ее совету и вскоре были удивлены, увидев, насколько щедро их одарила судьба. Одна из девочек обнаружила, что деньги не всегда могут уберечь от стыда и печали; другая поняла, что, несмотря на бедность, она была молодой, здоровой и жизнерадостной, и была гораздо счастливее, чем одна ее знакомая раздражительная и немощная старуха, которая хоть и

было богата, но не умела наслаждаться данными ей благами; третья узнала, что, как бы тягостно не было помогать готовить обед, гораздо труднее просить его в качестве подаяния; что же до четвертой, то она убедилась, что никакие кольца с сердоликами не компенсируют отсутствие хороших манер. Осознав эти вещи, девочки совершенно по-новому взглянули на свою жизнь. Они больше не тратили время, печалась о недоступных им вещам, и стали ценить и беречь то, что у них было. Отныне они были довольны своей жизнью и ни на миг не пожалели о том, что последовали совету старой волшебницы».

«Ну и лиса ты, Марми, взяла наши собственные истории и соорудила целую притчу! Прямо проповедь получилась» – воскликнула Мег.

«А мне нравятся такие притчи. Отец тоже нам такие рассказывал», – задумчиво сказала Бет, продолжая разбирать бардак в швейных принадлежностях Джо и аккуратно вставляя иголки в игольницу.

«Я и раньше особо не жаловалась на жизнь, но теперь буду еще больше следить за собой, потому что случай со Сьюзен меня многому научил», – сказала Эми.

«Думаю, все мы нуждались в такой поучительной притче. Это был полезный урок, Марми, и мы его не забудем. А если все же забудем, ты скажешь нам, как говорила тетушка Хлоя в «Хижине дяди Тома»: «Подумайте о том, что делает

вас счастливыми, дети!"²⁵ – добавила Джо, пытаясь придать своему голосу южный колорит.

Джо была тронута притчей Марми не меньше остальных, но в этом была вся Джо – она не могла удержаться, чтобы не разрядить серьезную обстановку какой-нибудь остротой.

²⁵ Напутствие тетушки Хлои, поварихи на плантации и жены темнокожего раба дяди Тома в романе Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» (1852), направленный против рабовладения в Америке.

Добрососедство

«Что, бога ради, ты опять придумала, Джо?» – спросила Мег, увидев, как сестра направляется к входной двери в резиновых сапогах, старом пальто с капюшон, с лопатой в одной руке и метлой в другой.

«Да вот решила немного размяться», – ответила Джо с озорным огоньком в глазах.

«Ты и так сегодня уже два раза гуляла. Тебе что, мало? На улице метель и холодина, сиди лучше дома в тепле и грейся у камина, как я, – дрожа от холода, сказала Мег.

«Не могу я сидеть сиднем! Я же не кошка, чтобы спать у камина целыми днями. Мне нужно двигаться! Я хочу приключений и я намерена их найти. А заодно и снег во дворе почищу».

Мег придвинулась еще ближе к камину, вытянула ноги практически к самому огню, и продолжила читать «Айвенго»²⁶, пока Джо тем временем принялась энергично махать метлой и расчищать дорожки в саду. Снег был рыхлым и податливым, так что вскоре она почистила все дорожки, чтобы

²⁶ «Айвенго» – популярный роман шотландского писателя сэра Вальтера Скотта, написанный 1819 году. События романа разворачиваются в период Средневековья. Среди персонажей есть Локсли (Робин Гуд) и король Ричард I (Ричард Львиное Сердце).

Бет могла спокойно прогуливаться там со своими бедняжками-куклами, когда прекратится снег. За садом начиналась земля Лоренсов. Так как это был пригород, здесь не было городской суеты, повсюду были рощи, лужайки, сады и тихие улочки. Два дома разделяла невысокая изгородь. По одну сторону стоял старый кирпичный дом, который уже определенно требовал ремонта. Сейчас, зимой, это было особенно заметно, потому как трещины на стенах не скрывались под буйной зеленью виноградных лоз, да и клумбы во дворе пустовали, так что дом выглядел совсем уныло. По другую сторону изгороди стоял прекрасный особняк, который одним своим видом говорил, что его хозяева живут в роскоши и комфорте. Впечатление только закреплял огромный каретный сарай во дворе и ухоженный сад с прилегающей к нему оранжереей. Окна украшали дорогие портьеры, за которыми угадывались силуэты изысканных предметов интерьера. Но несмотря на всю его роскошь, дом выглядел каким-то безжизненным, потому что на лужайке не резвились дети, в окно не выглядывало улыбающееся материнское лицо, да и те редкие гости, которые сюда приходили, были скорее исключением, чем правилом. Единственными обитателями этого дома были старый джентльмен и его шестнадцатилетний внук.

В бурном воображении Джо этот прекрасный дом представлялся чем-то вроде заколдованного замка, за дверьми которого скрывались сокровища и развлечения, которыми

просто пренебрегали. Ей давно хотелось заглянуть внутрь и собственными глазами увидеть все его великолепие, а еще познакомиться с «мальчишкой Лоренсом», который, как казалось Джо, и сам хотел завести друзей, но, видимо, стеснялся или просто не знал, как сделать первый шаг. После новогоднего бала Джо была настроена крайне решительно и даже придумала множество сценариев, как завязать с ним дружбу, однако в последнее время Лори не было видно, и Джо раздосадовано решила, что он мог снова уехать учиться куда-то за границу. Но вот однажды она заметила знакомое смуглое лицо в окне верхнего этажа, задумчиво наблюдающее, как Бет и Эми играли в снежки в саду.

«Этот мальчик явно страдает от недостатка общения и развлечений», – сказала она себе. «Его дедушка просто не понимает, что для него хорошо, иначе он не держал бы его взаперти в полном одиночестве. Ему нужны друзья, с которыми можно повеселиться и поиграть, кто-нибудь молодой и живой. Может, пойти туда и поговорить об этом с самим стариком Лоренсом?»

Эта идея позабавила Джо, которая любила смелые поступки и всегда шокировала Мег своими странными выходками. План с «походом в дом Лоренсов» не давал Джо покоя, и в один прекрасный снежный день, Джо решила действовать, а там будь что будет. Она заметила, что мистер Лоренс куда-то уехал, и тотчас же тихонько выскользнула из дома, прокрадась через сад к живой изгороди, где на пару минут притаи-

лась, осматриваясь. Все тихо – занавески на нижних этажах задернуты, слуг не видно, и только все в том же окне верхнего этажа торчит курчавая черная голова.

«Вот он, бедняга, умирает там от скуки в такой унылый день. Ну, куда такое годится! Брошу-ка я, пожалуй, снежок в его окно, чтобы он меня заметил, и хоть немного развлеку его дружеской беседой».

И вот уже в следующее мгновение в воздух взмыла пригоршня снега, и в окне появилось лицо, которое уже через минуту просияло, когда Лори заметил источник его беспокойства. Джо засмеялась, взмахнула метлой и крикнула:

«Как ваши дела? Как здоровье? Не видно вас последнее время, уж не захворали ли вы часом?»

Лори открыл окно и хриплым голосом ответил:

«Мне уже лучше, спасибо. Я сильно простудился и целую неделю провалялся в постели».

«Как жаль. Скучное, должно быть, занятыце сидеть безвылазно дома».

«Вы даже не представляете, насколько. Тут скучно, как на кладбище».

«Меня в таких ситуациях спасает чтение какой-нибудь интересной книги».

«Мне не позволяют сейчас много читать, говорят, что глаза должны отдохнуть, ведь мне скоро снова садиться за учебники».

«Кто-нибудь может читать вам вслух».

«Дедушка иногда мне читает, но мои книги ему не интересны, а все время просить Брука мне неудобно».

«Тогда кто-нибудь мог бы прийти к вам в гости и почтить».

«Мне особо и приглашать-то некого. Мальчишки, которых я знаю, такие шумные, что у меня голова начинает болеть от их галдежа».

«Ну, может быть, у вас есть какая-нибудь знакомая милая девушка, которая могла бы навестить вас? Девочки тихие, воспитанные и любят о ком-то заботиться».

«К сожалению, я никого не знаю».

«Ну, как это не знаете? Вы знаете меня», – начала Джо, а затем рассмеялась и замолчала, задумавшись, не слишком ли навязчиво прозвучали ее слова.

«А ведь и правда! Вы придете навестить меня? Пожалуйста! – воскликнул Лори.

«Я конечно далеко не тихая, да и манеры мои обещают желать лучшего, но я с удовольствием приду навестить вас, если мама отпустит. Вот прямо сейчас пойду и спрошу ее разрешения. А теперь закрывайте скорей окно, чтобы опять не простудиться и ждите гостей».

С этими словами Джо забросила метлу на плечо и пошла в дом, гадая, разделят ли домашние ее энтузиазм. Лори, не теряя времени, на радостях побежал готовиться к приходу Джо. Не зря миссис Марч назвала его юным джентльменом, ведь чтобы достойно встретить уважаемую гостью, мальчик

первым делом тщательно причесался, пристегнул чистый воротничок и как мог прибрался в комнате, где, несмотря на усилия прислуги, царил отнюдь не идеальный порядок.

Вскоре послышался громкий звонок в дверь, а затем тонкий голос решительно попросил «аудиенции мистера Лори». Через пару мгновений на пороге комнаты появился весьма удивленный слуга и объявил о визите юной леди.

«Хорошо, проводите ее наверх, это мисс Джо», – сказал Лори и стал поближе к двери, чтобы встретить ее.

Через пару мгновений он увидел Джо с покрасневшими от мороза щеками, поднимающуюся по ступенькам в сопровождении слуги. На ее лице не было и намека на смущение от первого визита в незнакомое место, и, увидев Лори, она бодро поприветствовала его. В одной руке девочка несла тарелку, накрытую салфеткой, в другой – корзину, где сидели три котенка Бет.

«А вот и я! И не с пустыми руками», – весело сказала она. «Мама передает вам привет. Она была рада, что мы можем вам чем-то помочь. Мег попросила, чтобы я угостила вас ее бланманже,²⁷ оно у нее получается очень вкусное. А Бет вот велела взять с собой ее котят, потому что они милые и всегда поднимают ей настроение. Вам, должно быть, покажется эта затея смешной, но я не могла ей отказать, ведь она так хотела тоже чем-то помочь».

Так получилось, что идея Бет оказалась гениальной, пото-

²⁷ Желе из молока, сахара и желатина.

му что играя с потешными котятами, Лори абсолютно забыл о своей застенчивости и вел себя легко и непринужденно.

«Ну уж нет, это слишком красиво, чтобы есть», – сказал он, радостно улыбаясь, когда Джо убрала салфетку и показала бланманже, которое Эми красиво украсила зеленью и алыми цветами своей любимой герани.

«Да ну что вы! Просто сестры искренне хотели как-то вас поддержать. Пусть вам подадут бланманже к чаю, вам будет легко его есть, ведь оно мягкое и легко проскользнет вниз, не повредив ваше больное горло. Какая уютная у вас комната!»

«Могла быть и поуютнее, если бы горничные тут как следует убирались, но они такие ленивые. Даже не знаю, как с ними бороться», – смущенно ответил Лори.

«Не переживайте, сейчас все поправим, это минутное дело. Сейчас подмету золу возле камина и расставлю все как следует на каминной полке, так, книги поставим тут, а пузырьки с лекарствами вон там. А кушетку вашу повернем вот так, пусть на нее падает свет. Подушки немного взобьем. Все, готово».

Комната действительно преобразилась. И пока Джо расставляла вещи на свои места и наводила порядок, она все время шутила и что-то рассказывала. Лори смотрел на нее в почтительном молчании, а когда она позвала его оценить новое место кушетки, он сел со вздохом удовлетворения и сказал тоном, преисполненным благодарности:

«Вы так добры! Да, все именно так, как мне и хотелось. А

теперь, пожалуйста, усаживайтесь поудобнее вон в то большое кресло и позвольте теперь мне вас развлечь. Ведь как-никак вы моя гостья».

«Так, мы же договаривались, что я затем и приду, чтобы развлекать вас. Хотите, я почитаю вам вслух?» – и Джо оценивающим взглядом обвела несколько книг на ближайшей полке.

«Спасибо, но дело в том, что я их все уже прочитал, и, если вы не возражаете, давайте лучше просто поболтаем», – ответил Лори.

«Конечно, не возражаю, я могу болтать хоть целый день. Бет говорит, что я ужасная болтушка и никогда не знаю, когда пора остановиться».

«Бет это девочка с румяными щеками, которая почти всегда дома и лишь изредка выходит погулять в сад с корзиной?» – с интересом спросил Лори.

«Да, это наша Бет. Она моя любимица, такой ангельский ребенок».

«Насколько я помню, красивая – это Мег, и, если не ошибаюсь, кудрявая – это Эми?»

«Да. А как вы узнали?»

Лори покраснел от смущения, но откровенно ответил: «Видите ли, я часто слышу, как вы зовете друг друга, и когда я сижу здесь в полном одиночестве, я выглядываю в окно и вижу ваш дом. Вы всегда так весело проводите время. Прошу прощения, если это прозвучит невежливо с моей стороны,

но иногда вы забываете задернуть шторы в гостиной на окне с цветами, и когда вечером вы зажигаете лампы, вас видно, как на ладони. Это словно смотришь на картину – в камине горит огонь, а вы все сидите за столом вместе с матерью. Она садится напротив окна и я очень хорошо вижу ее лицо, оно выглядит таким добрым и милым, а вокруг него словно рама из живых цветов. Это так трогательно, что я порой не могу оторвать взгляд. Понимаете, ведь у меня нет матери». Лори осекся и принялся срочно поправлять дрова в камине, чтобы скрыть легкое дрожание губ, которое он не мог контролировать. Но как Лори не старался отводить в этот момент глаза, его печальный взгляд не ускользнул от Джо. Ей от всего сердца было жаль этого несчастного одинокого юношу. Джо с детства была прямодушной и такой же она осталась в свои пятнадцать, а ещё она была наивна и открыта, как ребенок, и голове ее не было ни одной дурной мысли. При этом Джо была на удивление проницательным человеком, и сейчас она прекрасно видела, что Лори очень страдал от одиночества. В этот момент она поняла, насколько она богата, ведь у нее есть пусть скромный, но уютный дом, она окружена любовью близких, ей всегда есть, с кем поговорить – и сейчас больше всего ей хотелось поделиться этим богатством с ним. Ее преисполненное живой мимикой лицо сейчас излучало доброту и заботу, а обычно резкий и громкий голос приобрел необычайную мягкость. Она сказала:

«Мы больше никогда не будем задерживать штору на окне

с цветами, и я разрешаю вам смотреть сколько душе угодно. А еще лучше было бы, если б вы не смотрели украдкой, а пришли к нам в гости. Наша мама такая хорошая, она так любит помогать людям, я попрошу Бет сыграть для вас на фортепиано и спеть, а Эми с удовольствием станцует для вас. Мы с Мег рассмешили бы вас над нашими забавными сценками, и мы весело провели бы время все вместе. Как вы думаете, ваш дедушка разрешит вам навестить нас?»

«Думаю, что он разрешил бы, если бы ваша мать попросила его. Вообще, он очень добрый, только с виду такой суровый. Он позволяет мне делать то, что я хочу, ну, в значительной степени, просто переживает, чтобы я не докучал чужим людям», – объяснил Лори и его лица коснулась легкая улыбка.

«Мы не чужие, мы соседи, и даже не думайте, что будете нам докучать. Мы очень хотим узнать вас лучше. Я уже долго думала, как бы завести с вами знакомство. Наша семья живет тут не очень давно, но мы уже знакомы со всеми соседями, кроме вас».

«Видите ли, дедушка вечно сидит за своими книгами, и происходящее за стенами дома его не особо интересует. Мистер Брук, мой учитель, не живет здесь, а приезжает только провести занятия. Вот и получается, что мне просто не с кем пойти погулять, поэтому я сижу дома».

«Плохо. Вам нужно перебороть себя и начать ходить в гости, ведь насколько мне известно, вас действительно пригла-

шают. Тогда у вас будет много друзей и вам всегда будет, куда пойти. И кстати, общение это верное средство от застенчивости».

Лори снова засмутился и покраснел, но абсолютно не обиделся на прямолинейность Джо, ведь он понимал, что она сказала это исключительно из добрых намерений. Да и как тут обижаться, ведь она сказала абсолютную правду.

«Вам нравится ходить в школу?» – спросил мальчик, решив сменить тему разговора после недолгой паузы, во время которой он смущенно таращился на огонь в камине и думал над словами Джо, пока сама Джо с интересом рассматривала комнату.

«Я не хожу в школу. Я пошла работать, чтобы хоть немного помочь своей семье – я ухаживаю за своей старой тетушкой. Она конечно редкая ворчунья, но мне она все равно нравится», – ответила Джо.

Лори открыл было рот, чтобы спросить еще что-то, но быстро передумал, потому что вспомнил, что слишком интересоваться чужими делами невежливо, так что он смущенно закрыл рот и промолчал. Джо оценила его воспитанность, но она была не прочь рассказать пару забавных историй про тетушку Марч, поэтому она живо описала ему взбалмошную старуху, ее толстого пуделя, попугая, говорящего по-испански, и, конечно же, рассказала про прекрасную библиотеку, где она зачитывалась интереснейшими книгами. Лори был в восторге от ее историй, а когда она рассказала о чопорном

старом джентльмене, который пришел однажды в гости к те-тушке и так увлекся своими высокопарными речами, что не заметил, как попугай сдернул с его головы парик, Лори так громко расхохотался, что в комнату даже заглянула горничная, проверить, что происходит.

«Ой, сейчас лопну от смеха! Это просто великолепно! Расскажите еще что-нибудь», – сказал он, отрывая от диванной подушки свое раскрасневшееся от безудержного веселья лицо.

Воодушевленная своим ораторским успехом, Джо принялась рассказывать Лори об их домашних спектаклях, о том, как они переживают за отца и с нетерпением ждут его возвращения, и о прочих важных событиях того маленького мира, в котором они с сестрам жили. Затем они перешли к разговору о книгах. Джо была рада, что Лори оказался таким же книголюбом, как и она, и прочитал даже больше книг, чем она сама.

«Если вы так любите книги, давайте я покажу вам нашу библиотеку. Дедушки нет дома, так что не бойтесь», – сказала Лори, вставая.

«Я ничего не боюсь», – ответила Джо, решительно взмахнув головой.

«Даже не сомневаюсь!» – воскликнул мальчик, глядя на нее с большим восхищением, хотя про себя подумал, что его дедушку она все же немного испугалась бы, повстречай она его, когда тот был не в духе.

По дороге в библиотеку Лори заодно провел Джо экскурсию. В доме было светло и хорошо натоплено, поэтому они не спеша заглядывали в разные комнаты, и Джо имела возможность рассмотреть все, что ей хотелось. И вот, наконец-то, они дошли до библиотеки. От восторга Джо захлопала в ладоши и подпрыгнула. Комната была заставлена стеллажами с книгами, между которыми, словно стражи, стояли статуи, а стены украшали прекрасные картины. А еще там были небольшие витрины, где под стеклом, словно в музее, хранились старинные монеты и разные диковинки со всех уголков света. На причудливых резных столиках стояли бронзовые бюсты ученых и писателей, а глубокие кресла так и манили уместиться в них поудобнее с какой-нибудь интересной книгой о приключениях. И, так сказать, вишенкой на торте был огромный камин, выложенный замысловатыми изразцами, который произвел на Джо поистине неизгладимое впечатление.

«Вот это да!» – воскликнула Джо, усаживаясь в обитое бархатом кресло и оглядываясь вокруг с видом глубокого удовлетворения. «Теодор Лоренс, да вы должны чувствовать себя самым счастливым человеком на свете», – добавила она.

Лори присел на край стола, стоявшего напротив кресла Джо.

«Боюсь, что для счастья одних книг мало», – сказал он, покачав головой.

Прежде чем он успел сказать что-то еще, прозвенел коло-

кольчик на входной двери, и Джо пулей вылетела из кресла, испуганно воскликнув: «Батюшки! Это, должно быть, ваш дедушка вернулся!»

«А что, если и так? Вы же ничего не боитесь», – дразняще отметил мальчик.

«Я вот только что поняла, что, наверно, все же немного его побаиваюсь, правда, сама не знаю, почему. Марми ведь разрешила мне навестить вас и вам вроде хуже не стало от моего визита», – успокаивала себя Джо, не сводя при этом глаз с двери.

«Наоборот, я стал чувствовать себя намного лучше и я очень признателен вам за этот добрососедский визит. Я больше переживаю, что я сам мог утомить вас своими разговорами. Мне так нравится с вами беседовать, что я бы так говорил и говорил», – с благодарностью сказала Лори.

В дверях появилась горничная и объявила:

«Пришел доктор осмотреть вас, сэр».

«Вы не возражаете, если я оставлю вас на минутку? Полагаю, мне действительно нужно его увидеть», – немного виноватым тоном сказал Лори.

«Не переживайте, тут мне точно не будет скучно», – ответила Джо.

Лори ушел, а гостья придумала себе весьма своеобразное развлечение. Она как раз стояла перед портретом мистера Лоренса-старшего, когда дверь снова открылась. Джо, не оборачиваясь, решительно заявила: «Теперь я уверена, что

мне не стоит его бояться, потому что у него добрые глаза, пусть и с виду он мрачноват. А еще я вижу, что это человек волевой, возможно, даже немного авторитарный. Конечно, он не такой красавец, как мой дедушка, но он мне определенно нравится».

«Спасибо, мэм», – раздался за ее спиной хриплый мужской голос. Джо с ужасом обернулась и встретила взглядом с мистером Лоренсом...старшим.

Бедняжка Джо не знала, куда себя деть, она покраснела, как рождественская роза, а сердце ее бешено колотилось. Она снова и снова прокручивала в голове только что сказанное. На мгновение ее охватило дикое желание убежать, но это было бы глупо и трусливо, да и сестры над ней будут смеяться. Поэтому она взяла себя в руки и решила попытаться как-то выкрутиться из этой невероятно неловкой ситуации. Взглянув еще раз на мистера Лоренса, Джо словила себя на мысли, что глаза под густыми седыми бровями в жизни были даже добрее, чем на портрете, а еще она заметила, что в них была едва уловимая хитрая искорка, и это значительно уменьшило ее страх. И вот после ужасной минутной паузы, которая показалась Джо вечностью, хриплый голос, который сейчас звучал еще более сурово, чем пару мгновений назад, сказал: «Значит, не боишься меня, да?»

«Не боюсь, сэр».

«И не считаешь меня таким красивым, как твой дедушка?»

«Есть немного, сэр».

«И я, значит, человек волевой и даже немного авторитарный, не так ли?»

«Я просто сказала, что мне пришло в голову, глядя на ваш портрет».

«Но я тебе нравлюсь, несмотря на это?»

«Да, сэр».

Этот ответ явно пришелся по нраву старому джентльмену. Он рассмеялся и пожал ей руку. Затем он наклонился так, что его лицо поравнялось с лицом Джо, внимательно посмотрел на нее, а затем снова выпрямился со словами: «Лицом ты на деда не сильно похожа, а вот характером точно пошла в него. Он и правда был красив, моя дорогая, но что самое главное, он был храбрым и честным и я горжусь тем, что у меня был такой прекрасный друг».

«Спасибо, сэр», – выдохнув с облегчением, ответила Джо. Теперь она чувствовала себя вполне комфортно и снова говорила в своей привычной непринужденной манере.

«И что это вы тут делали с моим внуком, а?» – неожиданно спросил мистер Лоренс.

«Небольшой добрососедский визит, чтобы немного подбодрить Лори, сэр».

«Думаешь, его нужно было немного подбодрить?»

«Да, сэр, он кажется таким одиноким, думаю, общение со сверстниками пошло бы ему на пользу. Возможно, с нами, девочками, ему будет не так интересно, но мы будем рады

помочь чем сможем. А ещё я хочу от всего сердца поблагодарить вас за великолепный рождественский подарок, который вы нам прислали», – добавила Джо.

«Ну что ты, это не меня нужно благодарить, это Лори придумал! Кстати, как там поживает та несчастная женщина?»

«Уже все хорошо, сэр». И Джо принялась рассказывать о семействе Хуммелей и том, как ее мать сумела привлечь к помощи этой несчастной семье людей более состоятельных, чем они.

«Это у нее от отца, он тоже всегда рвался всем помогать. Передай маме, что я загляну на днях. О, слышишь, зазвенел колокольчик – чай готов. Это Лори распорядился. Так что теперь предлагаю пройти в столовую для добрососедского чаепития».

«Если я не помешаю, я буду рада остаться на чай, сэр».

«Я бы промолчал, если бы не хотел, чтобы вы остались». И мистер Лоренс в старомодной учтивой манере протянул ей руку.

«Что бы на это сказала Мег?» – подумала Джо, и при мысли, как она сегодня будем рассказывать домашним о своих приключениях у Лоренсов, ее глаза весело заблестели.

«Эй, мальчик мой! Куда ты так летишь?» – спросил старый джентльмен, увидев, как Лори, перескакивая через две ступеньки, бежит вниз по лестнице. Увидев Джо, идущей в сопровождении своего грозного деда, он оцепенел от смущения, однако увидев торжествующий взгляд Джо, с облегче-

нием выдохнул.

«Я не знал, что вы так скоро вернетесь, сэр», – смущенно сказал Лори.

«Это я уже понял, иначе ты не носился бы так по лестницам. А теперь давайте пить чай, и, Лори, веди себя, как подобает джентльмену. Ласково взъерошив мальчику волосы, мистер Лоренс пошел вперед вместе с Джо, а Лори поплелся за ними, еще не до конца понимая, что тут происходит. Пару раз украдкой оглянувшись, Джо увидела, как Лори несколько раз изменился в лице, строя гипотезы, при этом он корчил такие недоуменные рожицы, что она едва сдерживалась, чтобы не расхохотаться.

Во время чаепития пожилой джентльмен по большей части молчал. Он пил уже четвертую чашку и наблюдал за молодыми людьми, которые болтали, как старые друзья. Конечно, он не мог не заметить перемены, которые произошли в его внуке – на лице мальчика появился здоровый румянец, он вел себя раскованно, а смех его был искренним и веселым.

«Она права, мальчику одиноко. Что ж, посмотрим, как сложится его общение с этими милыми девочками», – подумал мистер Лоренс. Джо ему очень понравилась, ему импонировали ее озорство и немного мальчишеские манеры, и она, казалось, легко находила общий язык с его застенчивым внуком. Более того, судя по всему, она и сама получала от их общения огромное удовольствие.

Обычно в компании столь уважаемых людей, которых Джо считала слишком «чопорными и высокомерными», она чувствовала себя весьма неуклюже, но с Лоренсами все было иначе, с ними ей было легко и комфортно.

Когда все встали из-за стола, Джо подумала, что ей уже должно быть, пора домой, но Лори сказал, что хотел еще кое-что показать ей. Он отвёл Джо в оранжерею, где специально для нее зажгли лампы. Ее восторгу не было предела, ведь в мягком свечении ламп растения выглядели поистине волшебными. Она аккуратно ступала по дорожкам, завороченно рассматривая фантастические цветы и тянущиеся по стенам лианы. Она с наслаждением вдыхала влажный ароматный воздух, представляя, что гуляет по сказочному лесу. Тем временем Лори бережно срезал цветы, формируя букет. Когда цветы уже с трудом умещались в его руках, он перевязал их лентой и расплылся в довольной улыбке. «Пожалуйста, передайте это вашей матери и скажите, что я безмерно благодарен ей за чудодейственное лекарство от хандры, которое она мне прислала».

Вернувшись в дом, они нашли мистера Лоренса в большой гостиной, он стоял у камина, поглощенный своими мыслями. И тут Джо увидела шикарный рояль.

«Вы играете?» – спросила она, взглянув на Лори.

«Иногда» – скромно ответил он.

«А сможете сыграть что-нибудь сейчас? Я бы с радостью послушала, очень уж хочется рассказать потом Бет, она будет

в восторге».

«Может, вы сами хотите сыграть?»

«Ой, что вы, я, к сожалению, не умею играть. Слушать музыку очень люблю, но с игрой дела плохи, таланта мало-мало», – просто и без стеснения ответила Джо.

Лори сел за рояль. Он играл, а Джо слушала, держа в руках огромный букет. Она закрыла глаза и с наслаждением вдыхала прекрасный аромат гелиотропов и чайных роз.

Играл Лори замечательно, очень искренне и душевно, без намека на самодовольство и хвастовство, отчего уважение Джо к «мальчишке Лоренсу» росло с каждой секундой. Она подумала, что Бет высоко оценила бы его игру, и принялась щедро нахваливать Лори, все больше вгоняя его в краску от смущения, так что Мистер Лоренс решил прийти внуку на помощь:

«Ну, все, все, юная леди, не перехвалите мне внука, а то еще, не дай бог, зазнается» – лукаво сказал старик. «Играет он и впрямь неплохо, но я надеюсь, что и в более важных делах он тоже преуспеет. Вы уже уходите? Что ж, я вам очень благодарен и надеюсь, что вы порадуете нас своим визитом снова. Мои почтения вашей матушке. Спокойной ночи, доктор Джо».

Он мягко пожал ей руку, но Джо показалось, что лицо его хмурилось, словно он был чем-то недоволен. Лори проводил Джо в прихожую, и уже у самой двери она все же решилась спросить, чем она рассердила его дедушку. Лори отрицатель-

но помахал головой и поспешно сказал:

«Нет, нет, что вы, он рассердился вовсе не вас, а на меня. Он не любит, когда я играю на рояле».

«Но почему? Ведь у вас так хорошо получается».

«Я вам как-нибудь расскажу. К сожалению, мне пока нельзя выходить на улицу, поэтому домой вас проводит Джон».

«Это абсолютно лишнее. Я же не какая-то хрупкая леди, да и тут идти-то всего ничего. А вы выздоравливайте и набирайтесь сил».

«Слушаюсь и повинуюсь. Но вы же еще навестите меня?»

«Если вы пообещаете прийти к нам в гости после того, как выздоровеете».

«Обещаю».

«Спокойной ночи, Лори!»

«Спокойной ночи, Джо, спокойной ночи!»

Когда Джо рассказала обо всех своих дневных приключениях в доме Лоренсов, было решено, что в следующий раз они пойдут в гости все вместе, при этом у каждого были на это свои причины. Миссис Марч хотела поговорить о своем отце со стариком Лоренсом, который, как оказалось, вспоминал его с теплотой в сердце. Мег хотелось прогуляться по оранжерее, Бет не терпелось поиграть на прекрасном рояле, а Эми очень хотелось увидеть прекрасные картины и статуи в библиотеке.

«Мама, а почему мистер Лоренс не любит, когда Лори иг-

рает на рояле?» – спросила Джо, которой не давали покоя слова Лори.

«Я не уверена, но думаю, все дело в том, что его сын, отец Лори, не спросил разрешения у своего отца, дедушки Лори, и женился на итальянской пианистке. Старика Лоренса задело, что сын без его благословения совершил такой серьезный поступок, и сильно разгневался. И несмотря на то, что мать Лори была милой, доброй и образованной женщиной, он сразу невзлюбил ее и после женитьбы сына больше никогда с ним не виделся. Родители Лори умерли, когда мальчик был еще крохой, и дед забрал его к себе. Мальчик родился в Италии и еще с детства имел слабое здоровья, поэтому старик его так опекает – он очень боится потерять и его. Любовь к музыке Лори унаследовал от матери, на которую он, кстати, очень похож, и я осмелюсь предположить, что его дедушка опасается, что он тоже захочет стать музыкантом. Во всяком случае, музыкальный талант Лори напоминают ему о женщине, которая ему не нравилась, и поэтому он, как выразилась Джо, «нахмурился».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.